

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Н. П. Подгорнова

**«АРАБСКАЯ ВЕСНА»
В СТРАНАХ МАГРИБА**

МОСКВА 2014

Научное издание

Н.П.Подгорнова

«АРАБСКАЯ ВЕСНА» В СТРАНАХ МАГРИБА
М., 2014. 80 с.

ISBN 978-5-89394-249-1

ISBN 978-5-89394-249-1

© Институт Ближнего Востока, 2014
© Н.П. Подгорнова, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Тунис – провозвестник « <i>арабской революции</i> » в Магрибе	5
Ливия – жертва « <i>революционных событий</i> » в Магрибе	16
Алжир – мученик « <i>арабской революции</i> » в регионе	27
Мавритания – отголосок « <i>революционных событий</i> »	44
Марокко – фактор мира и спокойствия в регионе	58
Роль Запада в событиях « <i>арабской весны</i> »	67
Поиски путей преодоления кризиса	69
Литература	76

ВВЕДЕНИЕ

2011 году страны Северной Африки одну за другой захлестнула волна так называемых «революций». Одни из них в западных средствах массовой информации получили название «революций» «арабской весны», другие – «арабской весны и зимы», третьи – «арабского пробуждения», «пан-арабской революции», «арабского восстания»...

Аналитики не сразу смогли уяснить причину столь неожиданного и к тому же последовательного возникновения этих так называемых «революций», напоминающего вирусное заболевание, занесенное в регион с Северо-Запада и начавшееся в Тунисе, а оттуда перекинувшееся в Ливию, Египет и далее на Восток. Нас, однако, интересуют события в районе Магриба, точнее Большого Магриба, представленного Алжиром, Ливией, Мавританией, Марокко и Тунисом. В одних из этих стран (*Тунисе и Ливии*) развитие ситуации привело к свержению существовавших в них режимов. В других (*Алжире*) события, сопоставимые с «арабскими веснами», начались задолго до 2011 года. В третьих (*Мавритания, Марокко*) они развивались относительно спокойно и не привели к кардинальным изменениям в политическом устройстве и жизни населения.

В целом же развитие событий в Магрибе показало, что причиной недовольства широких народных масс и поддержавших их представителей общественности было затянувшееся, по их мнению, пребывание у власти местных глав государств, проводивших неэффективную политику, не отвечающую их нуждам и потребностям населения.

Тунис – провозвестник «арабской революции» в Магрибе

Поводом для начала так называемых «арабских революций» стал акт самосожжения в Тунисе 26-летнего уроженца г.Сиди-Бузид Мухаммеда Буазизи, осуществленный им (согласно официальной версии) якобы в знак протеста против произвола местных властей [здесь и далее см. 1]. Хотя на самом деле события развивались иным образом.

Однажды (декабрь 2010 г.) М.Буазизи торговал на базаре овощами. К нему подошла представитель местной администрации и попросила предъявить разрешение на торговлю. У М.Буазизи такого разрешения не оказалось, а вероятнее всего, и не было вообще. Женщина пожурила торговца, указав ему на недопустимость нарушения административных правил. Сначала конфликт удалось замять, но потом вместо того, чтобы признать вину, М.Буазизи, что называется, «полез в бутылку», начал спорить, препираться, отстаивая «свое право» на торговую деятельность. Тогда инспектор оштрафовала его на \$ 6,86. М.Буазизи возмутился. Как это она – женщина, иными словами, баба-дура, или недочеловек в его восприятии, посмела так вести себя с ним – МУЖЧИНОЙ?! В свою очередь, возмутилась и инспектор, находившаяся при исполнении служебных обязанностей и строго выполнявшая их. Она дала М.Буазизи пощечину, конфисковала его электронные весы, опрокинула лоток с овощами и удалилась с чувством исполненного долга, в полном осознании своей правоты и законности предъявленного торговцу требования.

«Униженный и оскорбленный», М.Буазизи отправился жаловаться в мэрию. Но там его не пожелали даже выслушать. Через два дня (17 декабря 2010 г.), будучи не в состоянии стерпеть обиду, он вышел на площадь перед

мэрией, облил себя горючим и поджег. С обширными ожогами был доставлен в местную больницу, где 4 января 2011 г. скончался.

Новость моментально облетела весь город. Молодежь немедленно вынесла сообщение об акте самосожжения М.Буазизи в Интернет, откуда она распространилась по всему Тунису и вышла за его пределы, вызвав возмущение общественности произволом властей и в целом политикой правительства, подняла народные массы на борьбу против режима правления президента Туниса Зина аль-Абидина Бен Али. Не помогло даже известие о том, что 28 декабря 2010 г. глава государства навестил М.Буазизи в больнице. 17 февраля 2011 г. центральной площади г.Тунис вместо прежнего названия было присвоено имя *«героя революции Мухаммеда Буазизи»*.

Совершенно очевидно, что поступок М.Буазизи никакого отношения к событиям в Тунисе, получившим название *«арабской весны»*, не имел. Тем не менее общественностью он был воспринят как акция исторического значения, предпринятая, что называется, в нужное время в нужном месте, и в средствах массовой информации был подан как выступление *«яркого представителя широких народных масс»*, находящихся в тяжелом материальном положении, безработных, лишенных средств существования, доступа к образованию и пр.

М.Буазизи действительно не смог не только закончить, но даже учиться в средней школе, но исключительно по причине отсутствия у него способностей к обучению; начал работать с десяти лет; торговал овощами, надо думать, с собственного огорода, и даже располагал электронными весами. Так что к числу несчастных, необразованных, безработных, бедных, лишенных средств существования тунисцев его никак нельзя было отнести.

Разумеется, никто не спорит: кризис в Тунисе действительно был порожден нерешенностью острых социально-экономических проблем, в частности, низким уровнем заработной платы, безработицей, неравномерностью развития

регионов. Недовольство трудящихся, выступавших в рамках местных профсоюзов, регулярно выливалось в народные волнения, которые всегда заканчивались стычками с полицией. «Разгулом демократии» воспользовались проповедники ислама, начавшие активную деятельность в молодежной среде так называемых «бедных» районов страны путем организации демонстраций и приобщения молодых людей к политической борьбе.

Общенациональный подъем в Тунисе против антинародной политики властей был спровоцирован недовольством условиями жизни, разгулом коррупции, безработицей, нищетой, бесправием. Он выразился в массовых беспорядках, проходивших в разных городах страны. Их жертвами в период 2010–2011 гг. стало более 220 человек и 500 раненых [2]. Спровоцировал бегство 14 января 2011 г. Зина аль-Абидина Бен Али из страны (*вследствие чего «арабская весна» в Тунисе получила название «революции 14 января 2011 года»*) и начало противоборства сторонников умеренного, «светского» режима правления и исламистов.

Отныне будущее Туниса зависело от того, как быстро представители разных политических направлений сумеют (*и сумеют ли?*) договориться об установлении в стране демократии. От готовности власти и оппозиции идти на взаимные уступки по ключевым вопросам внутривнутриполитической жизни страны. В этих условиях настоятельно требовались выработка новой конституции и проведение президентских и парламентских выборов с тем, чтобы добиться прекращения периодически обострявшихся волнений и забастовок трудящихся, покончить с 2,5-летним переходным периодом, вызванным острым политическим кризисом.

Затягивание с решением кардинальных вопросов современного развития страны было чревато также опасностью активизации деятельности радикальной исламистской организации «Аль-Каида в исламском Магрибе» (АКИМ) и её ячеек в южных районах Туниса и приграничных с Алжиром и Ливией провинциях, в частности грабежа

иностранных туристов и захвата их в заложники ради получения выкупов. АКИМ (*не путать с террористической организацией «Аль-Каида»!*) [см., 3] была создана в 1997 г. в Алжире. Выделилась из экстремистской алжирской организации исламского толка «Салафитская группа проповеди и джихада» (СГПД). Сначала вела борьбу с алжирскими властями внутри АНДР. Затем перешла к совершению терактов в сопредельных странах и стала одной из основных сил, действующих в конфликтах в Магрибе [подробнее см. 4].

23 ноября 2011 г. в Тунисе прошли первые после бегства из страны президента Зина аль-Абидина Бен Али свободные выборы в Национальную учредительную ассамблею (НУА) – законодательный орган страны, созданный на время переходного периода сроком не более одного года. Первоочередными задачами НУА стали подготовка нового текста конституции, установление порядка формирования законодательной и исполнительной ветвей власти, разработка плана государственного и политического устройства Туниса после *«арабской весны»* 14 января 2011 года.

Уверенную победу на выборах одержало представлявшееся в тот период времени умеренным исламистское движение «Ан-Нахда» (*«Возрождение»*). Оно получило 91 из 217 мест в НУА (*по разным данным, от 37 до 41,7% мандатов*) [см. 5; 6]. Поэтому на него были возложены временное руководство страной и обязанность в течение года выработать текст новой конституции. За это же время должны были быть подготовлены и проведены всеобщие президентские и парламентские выборы.

У руководства «Ан-Нахды» изначально не было сомнений в победе, поскольку еще задолго до выборов оно подготовило продуманную и доступную пониманию простых тунисцев программу, которая в Тунисе долгое время рассматривалась как радикальная, что позволило движению опередить другие политические партии. Поэтому не дожидаясь официального объявления результатов выборов, лидер

«Ан-Нахды» Рашид Ганнуши, позиционировавший себя сторонником «*демократических преобразований*», сообщил о готовности не позднее, чем через месяц сформировать и возглавить будущее переходное правительство.

В свою очередь члены движения выдвинули на пост премьер-министра в будущем правительстве Хамди аль-Джебали – второе лицо в движении, одного из его основателей, председателя политического бюро движения, который почти 16 лет провел в заключении по обвинению в экстремизме – идеологии, запрещенной при президенте Зине аль-Абидине Бен Али. В случае назначения на пост главы правительства Х. аль-Джебали пообещал обеспечить свободу вероисповедания в Тунисе, защиту прав религиозных меньшинств, сохранения за тунисскими женщинами существовавшего при бывшем президенте самого высокого в арабо-мусульманском мире уровня прав и свобод.

Второе место на выборах заняла левоцентристская партия Конгресс за республику, или Республиканский конгресс (30 мест и 13,82% мандатов). Лидер партии, бывший диссидент и экс-председатель Лиги по защите прав человека Монсефа Марзуки счел такой результат голосования настоящим успехом и путём к ключевым постам в руководящих органах Туниса, а себя – политическим деятелем, с мнением которого отныне пришлось бы считаться руководителям других политических партий и движений страны.

Третье место в НУА досталось Демократическому форуму за труд и свободы (21 место и 8,78% мандатов). Четвертое – малоизвестной партии Народное требование справедливости и развития (19 мест). В то же время Прогрессивная демократическая партия (*ПДП*), считавшаяся накануне выборов серьезным соперником «Ан-Нахды», получила всего 17 мест.

Приступив к работе (*декабрь 2011 г.*), члены НУА приняли «мини-конституцию», в 26 статьях которой были определены полномочия первых лиц государства и порядок

принятия будущей полновесной конституции [здесь и далее см. 7]. Избрали временным главой государства (*президентом, за которым был закреплен статус верховного главнокомандующего вооруженными силами страны*) лидера партии Конгресс за республику Монсефа Марзуки. Премьер-министром стал назначенный М.Марзуки на этот пост Хамди аль-Джебали, который сформировал коалиционное правительство в составе 41 человека: 30 министров и 11 статс-секретарей, в числе которых были две женщины. Министерство иностранных дел возглавил зять Р.Ганнуши – Рафик бен Абдессалам. Представители Конгресса за республику взяли на себя руководство министерствами земельной собственности, по делам женщин и семьи, образования и профессиональной подготовки [4]. Члены Демократического форума за труд и свободу возглавили министерства финансов, социального развития, торговли, туризма, технологий и связи, экономики [6]. Независимые кандидаты получили в правительстве 7 мест. Большинство членов правительства составили исламисты – в основном лица, не имевшие опыта работы в профильных министерствах. Часть их – бывшие политзаключенные.

Тем не менее, все они отныне были призваны решить задачи, касавшиеся освобождения страны от тяжелого наследия режима Зина аль-Абидина Бен Али; определить основные направления своей деятельности; наладить взаимодействие всех ветвей власти в их реализации; принять меры, направленные на быстрое и эффективное удовлетворение политических и социально-экономических требований широких народных масс. И сделать всё это необходимо было в кратчайшие сроки, поскольку население продолжало отстаивать принципы свободы, чести и достоинства, выступая против угрозы радикального исламистского фундаментализма, а наиболее многочисленная его часть – против растущей нищеты и безработицы. Промедление с удовлетворением этих требований грозило перерасти в серьезные проблемы для страны.

Так, еще в начале мая 2011 г. в Интернете получило распространение заявление бывшего министра внутренних дел Туниса Фархата ат-Раджихи о предполагаемом намерении сторонников бывшего президента в случае прихода к власти в стране исламистов «Ан-Нахда» совершить военный государственный переворот. В заявлении говорилось буквально следующее: *«Военный переворот в Тунисе может произойти в случае победы на выборах исламистского движения «Ан-Нахда»* [здесь и далее см. 8].

Основанием утверждать такое Ф. ар-Раджихи послужило то, что в годы правления президента З.А. Бен Али движение «Ан-Нахда» (в то время основная политическая организация исламистского направления, действовавшая в Тунисе) находилось вне закона, а на предстоявших президентских и парламентских выборах имело реальные шансы победить.

Власти поспешили *«выразить удивление»* заявлением Ф. ар-Раджихи и опровергнуть появившееся сообщение о нем. В свою очередь руководство «Ан-Нахда» исключило возможность осуществления военного переворота в Тунисе. Оно выразило доверие государственным институтам страны и их деятельности, а также уверенность в том, что *«волеизъявление тунисского народа будет уважаться»*.

Несмотря на это, тунисцы вышли на массовые демонстрации во многих городах страны с антиправительственными лозунгами и требованием отставки кабинета министров. Они обвинили членов правительства в связях со сторонниками бывшего президента и пособничестве ему. Выразили возмущение их намерениями использовать угрозу осуществления государственного переворота для свертывания демократических преобразований, начавшихся в стране после *«революции 14 января 2011 года»*.

14 октября 2012 г. правящая коалиция во главе с «Ан-Нахда» объявила дату проведения президентских и парламентских выборов [здесь и далее см. 2]. Первый тур голосования должен был пройти 23 июня 2013 г. Второй тур в случае необходимости был назначен на 7 июля 2013 г.

Указывалось также, что выборы президента будут всеобщими и прямыми. По завершении президентских выборов предусматривался уход М.Марзуки с поста временно исполнявшего обязанности главы государства. Так или иначе, но выборы в назначенный срок не состоялись.

В целом события 2011–2013 гг. в Тунисе свидетельствовали о том, что для качественного улучшения жизни населения недостаточно одного лишь отстранения от власти засидевшихся в своих креслах глав государства, правительства, руководителей парламентских фракций. Нужны своевременные и безболезненные обновления персонального состава чиновников государственного аппарата, выдвижение молодых перспективных лидеров, способных предлагать новые идеи и способы улучшения жизни населения, но никак не ухудшения её. И не должно быть противостояния сил, представляющих разные политико-идеологические направления.

Победившие на выборах новые власти Туниса, прежде всего представители коалиции во главе с движением «Ан-Нахда», осознали это еще в ноябре 2011 года. Тогда они приняли решение о назначении главой государства лидера Конгресса за Республику М.Марзуки – известного в стране правозащитника, борца за свободу и демократию, которого поддержало на выборах 60% тунисцев [здесь и далее: 6]. В новых исторических условиях тунисские партии, представлявшие ранее умеренный ислам, по оценке М. Марзуки, влились в демократическую систему и играют ныне по правилам демократии. То есть происходит переход от исламизма к демократии, а не наоборот. *«Отношение Запада к происходящему в Тунисе... меня просто поражает, – заявил он, в частности, в интервью Джулиану Ассанжу (всемирно известному программисту, организатору хакеров, который руководствуется в своей деятельности своеобразным кодексом: не повредить систему, а делиться информацией; автору ряда программ, связанных с сетевой безопасностью). – Смотрите, теперь там исламисты и в правительство входят, и в парламенте у них большин-*

ство. Дá, у них большинство, но они туда избраны в результате демократических выборов и играют теперь по правилам демократии. Вот почему, – продолжал он, – я говорю, что в результате революции победили не исламисты, а демократия, даже если сейчас в правительстве исламистов больше, чем светских политиков. Это – чрезвычайно важно».

Судя по этому заявлению М.Марзуки, его можно было бы заподозрить в политико-идеологической переориентации, произошедшей в знак выражения благодарности Р.Ганнуши и Хамди аль-Джебали за возможность занять престижный пост президента Туниса. Если это действительно так, то оставалось только надеяться на то, что эта «исламистская демократия» не эволюционирует в ближайшем будущем в сторону обретения ею характера ярко выраженного радикального исламистского фундаментализма. Чего так опасались многие тунисцы.

К счастью, этого не произошло. 26 января 2014 г. Национальная учредительная ассамблея абсолютным большинством голосов (200 из 216) приняла подготовленную ею за два года напряженной работы депутатов новую (вторую в истории страны), демократическую конституцию, ставшую итогом долговременных и трудоемких консультаций представителей основных политических партий и движений по ее проекту. Подписанная высшим руководством страны (президентом, премьер-министром, председателем парламента), на следующий день (27 января 2014 г.) она вступила в силу. В соответствии с нею Тунис был провозглашен светским государством, гарантирующим равные права мужчин и женщин; свободу вероисповедания; избрание президента не более чем на два 5-летних срока подряд.

Одновременно был утвержден состав нового, непартийного правительства профессионалов, возглавляемого премьер-министром. Взамен предыдущего (ушедшего в отставку 9 января 2014 г.), сформированного на основе партийной принадлежности членов кабинета министров.

Первоочередными задачами этого правительства стали подготовка и проведение в ближайшее время парламентских и президентских выборов; решение сложных задач по выводу страны из острого кризиса и стабилизация внутриполитической обстановки в стране в соответствии с «*рабочей картой*», принятой исламистами и представителями светской оппозиции по итогам проведенного ими национального диалога [см. 73].

Серьезная работа предстояла членам правительства по решению острых социально-экономических (*высокая инфляция, финансовый дефицит*) и общественно-политических проблем Туниса, связанных с необходимостью борьбы с террористическими организациями, поддержанию безопасности и общественного порядка.

В целом принятие новой конституции и формирование нового правительства профессионалов в Тунисе – наиболее светской арабской стране – было воспринято представителями мировой общественности как важный шаг в демократическом процессе, этапное внутривнутриполитическое событие. Удовлетворение по этому поводу выразил генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, назвавший принятие новой Конституции Туниса «*важной вехой, имеющей историческое значение*» [73].

В свою очередь Тунис с принятием новой конституции, которая «*отражает важный прогресс в демократических преобразованиях в стране*», поздравила глава дипломатии Европейского союза Кэтрин Эштон, которая отметила в этой связи самое важное, – то, что «*Тунису удалось положительно отреагировать на внутренние политические вызовы и инициировать национальный диалог*» [74].

Важность принятия новой Конституции Туниса и назначения нового правительства оценили и в Российской Федерации. «*Приветствуем это этапное внутривнутриполитическое событие, считаем его важной вехой на пути реализации проводимых тунисским руководством демократических преобразований*» [здесь и далее: 75], – указывалось в комментарии МИД РФ. – *Рассчитываем, что*

сформированное накануне новое правительство Туниса, опирающееся на поддержку всего спектра политических сил, обеспечит решение стоящих перед страной непростых задач по созданию необходимых условий для устойчивого социально-экономического развития, а также подготовке к парламентским и президентским выборам в Тунисе».

Ливия – жертва «революционных событий» в Магрибе

Так называемая «*арабская весна*» в Ливии началась и протекала по совершенно иному сценарию, нежели в Тунисе. И причинами ее были не безработица и низкий уровень жизни населения, а наличие естественных ресурсов (*нефть, природный газ, огромный резервуар пресной воды под песками пустыни Сахара, протяженное средиземноморское побережье*). Лидер «*ливийской революции*» Муаммар Каддафи умело руководил страной, не допуская обострения социально-экономических противоречий в ливийском обществе, население которого материально было вполне обеспеченным и уж, во всяком случае, никак не бедствовало, подобно жителям соседних арабских государств. Прямо скажем: на начало 2000-х гг. Ливия была экономически вполне благополучным, если не сказать процветающим государством с достаточно высоким уровнем жизни населения.

Да, в Джамахирии была безработица. В среднем по стране она составляла (2000–2013) порядка 25-30% [здесь и далее: 9; 10; 11]. Но безработные получали пособие в размере \$ 730 в месяц, что части их давало возможность не только не искать работу, но и не работать вообще, а вести свободный образ жизни. На открытие личного бизнеса предоставлялась единовременная помощь в размере \$ 20 тыс. Минимальная заработная плата составляла \$ 1,785 (медсестры – \$ 1 тыс.). ВВП на душу населения равнялся \$ 14,884. На каждого члена семьи ежегодно выплачивалось по \$ 1 тыс. дотаций. Новобрачным выдавались \$ 64 тыс. на приобретение квартиры. Для многодетных семей действовала сеть магазинов с символическими ценами на основные продукты питания. Отсутствовала квартплата. Бесплатными были образование и медицина. За подделку лекарств грозила смертная

казнь. В целом за 42 года пребывания у власти М.Каддафи численность ливийского населения увеличилась втрое. В 9 раз снизилась детская смертность. С 51,5 до 74,5 лет увеличилась продолжительность жизни.

С 1969 года в Ливии действовала командно-административная система управления экономикой. С конца 1990-х гг. началась её либерализация. Подавляющее большинство трудящихся составляли наемные работники, которые были заняты либо на государственных предприятиях, либо в частных иностранных компаниях. Вся полнота законодательной, исполнительной и судебной власти сосредотачивалась в руках М.Каддафи и небольшой группы приближенных к нему лиц из числа членов Революционного совета, действовавших через посредство так называемых народных комитетов по вопросам национальной безопасности, внешней политики, принятия государственного бюджета и развития нефтяной отрасли экономики.

В начале 2000-х гг. начали проводиться экономические реформы, осуществлявшиеся путем приватизации государственных предприятий, либерализации цен и внешней торговли. Курс, направленный на активное привлечение иностранного капитала в национальную экономику, спровоцировал возникновение и рост безработицы, повлек за собой ухудшение материального положения трудящихся, которое еще более ухудшилось вследствие разразившегося осенью 2008 года мирового экономического кризиса. Все это вызвало недовольство народных масс, которое проявилось в массовых демонстрациях против диктатуры М.Каддафи и даже восстаний в отдельных городах страны.

17 февраля 2011 г. в Ливии прошел так называемый День гнева, когда организаторы протестных настроений скоординировали действия через Интернет. На одних оппозиционных сайтах (*Libya Al-Yourn, Al-Manara*) было сообщено, что в Бенгази произошли якобы «жестокие столкновения», в ходе которых «6 человек погибло и 35 получило ранения». На других (*Ynet*) со ссылкой на «сообщения (неких) информационных агентств» приводились данные «как минимум

о 14 убитых» в ходе «десятков демонстраций», начавшихся в разных ливийских городах. Сообщалось также (*Human Rights Watch*) о 14 оппозиционерах, арестованных накануне демонстраций «в целях профилактики», о полицейских снайперах, якобы стрелявших по демонстрантам [здесь и далее: 12].

В то же время, по сообщению международной телекомпании «Аль-Джазира», в том же Бенгази, а также Триполи и Сирте (*родном городе М.Каддафи*) прошли куда более многочисленные, нежели оппозиционные, марши в поддержку ливийского лидера.

С целью предотвратить угрозу революции правительство, с одной стороны, объявило о готовности двукратно увеличить зарплаты государственным служащим и освободить из тюрем 110 исламистов, арестованных ранее по обвинению в терроризме, а с другой, предупредило демонстрантов о намерении применить против них боевые патроны в случае продолжения беспорядков.

Воспользовавшись обострившейся ситуацией в Ливии, лидеры западноевропейских стран-членов Организации Североатлантического договора (*НАТО*) и США разработали ряд мер по нанесению удара по М.Каддафи и его ближайшему окружению с целью отстранения их от власти, а еще лучше – физическому уничтожению [здесь и далее см. 13]. По их инициативе 26 февраля 2011 г. Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию 1970 о введении соответствующих санкций против Ливии, М.Каддафи и его ближайшего окружения в военной и финансовой сферах. Во исполнение этой резолюции, в западных (*и частично японских*) банках было вскрыто множество вкладов, находившихся на счетах «лидера ливийской революции» и членов его семьи, на общую сумму более \$ 100 млрд.; около 40 млрд. долл. – «заморожено» (*из них более 30 млрд. долл. – в Соединенных Штатах*); в Великобритании конфисковано имущество, находившееся в собственности членов семьи М.Каддафи, а крупные суммы принадлежавших им денег бесследно исчезли.

В резолюции 1970 СБ ООН содержался призыв к ливийским властям обеспечить международным наблюдателям возможность беспрепятственно посетить все места, где, по их сведениям, были якобы проведены «*массовые репрессии, расстрелы с вертолетов и самолетов народных демонстрантов*», участвовавших в маршах протеста. Что и было сделано. Более того, «*лидер ливийской революции*» выразил готовность принять этих международных наблюдателей. Однако они, посетив желаемые ими места, довольно быстро ретировались.

Причина крылась в том, что февральские 2011 года вооруженные столкновения в ряде городов страны (*Бенгази, Триполи, Завия, Аль-Бейда, Дерна*) выявили факты противостояния правительственным войскам бунтовщиков, многие из которых оказались наемниками (*египтянами и палестинцами*), состоявшими на службе противников М.Каддафи; ливийскими исламистами; молодежью, одурманенной наркотиками, которыми ее щедро снабжали те же исламисты; а также боевиками исламистской террористической организации «Аль-Каида в исламском Магрибе» (*АКИМ*). В результате, как позднее показало расследование, численность погибших в ходе беспорядков полицейских и военнослужащих оказалась практически равной потерям среди «*мирных демонстрантов*». Многие инциденты так же, как и факты «*массовых изнасилований*», и вовсе не подтвердились [13].

Несмотря на это, международная конференция по Ливии (*Лондон, 29 марта 2011 г.*) приняла решение провести против Джамахирии военную операцию в рамках резолюции Совета Безопасности ООН 1973 (*принята 17 марта 2011 г.*). Резолюции, санкционировавшей иностранное вмешательство во внутренние дела Ливии путем «*ограниченного применения силы в отношении этой страны*» [здесь и далее см. 14].

Развертывание военной операции осуществлялось столь стремительно, что это вызвало оторопь даже у представительниц самих стран-участниц операции (*США, Канада, Велико-*

британия, Франция, Бельгия, Норвегия, Дания, Нидерланды, Катар и еще несколько арабских государств). Инициатором и активным сторонником проведения военной операции против Ливии выступила Франция. Причем еще до того, как были сформированы совместное командование коалиции, структура, призванная контролировать ход операции, и выработан план проведения кампании.

Буквально на следующий день после принятия резолюции СБ ООН президент Николя Саркози объявил о готовности к началу *«военного вмешательства»* и отдал приказ о немедленном вылете в Ливию 20 французских истребителей. По официальной версии, через час после совершения ими серии *«разведывательных и предупредительных»* полетов в небе над Джамахирией эти истребители уничтожили первые бронемшины на территории страны якобы *«для защиты мирных ливийских граждан»*, которые вели с ними бой.

Однако по сообщениям из самой Ливии, речь шла об использовании французской авиации для ударов по наземным целям, причем, не аэродромам, не складам для хранения горючего или оружия для боевой авиации, а по сухопутным вооруженным силам ливийской армии, преданным М.Каддафи .

Вместе с тем на Лондонской конференции 29 марта 2011 г. ни слова не говорилось о немедленном проведении военной операции против М.Каддафи и поставках оружия ливийской оппозиции. Обсуждался лишь вопрос о предъявлении ливийскому лидеру ультиматума немедленно прекратить сопротивление и покинуть страну [здесь и далее см. 15]. Конкретно речь шла о *«предоставлении гуманитарной помощи Ливии; оказании давления на М.Каддафи и изоляции его режима благодаря санкциям СБ ООН; поддержке усилий ливийской оппозиции по достижению политических перемен, которых они добиваются»*. При этом подчеркивалось, что представители стран-членов коалиции исполняют в Ливии миротворческую роль. *«Мы там – для того, чтобы защищать людей, а не вооружать их»*, – заявил, в частности, генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен и призвал все вовле-

ченные в урегулирование ливийского конфликта стороны к поискам мирного, политического решения. *«Совершенно очевидно, – подчеркнул он, – что исключительно военного решения проблем в Ливии нет»*. Тем не менее участники конференции приняли решение о том, что единственным органом по управлению боевой частью операции в Ливии будет Североатлантический совет – главный руководящий орган НАТО.

Однако надежды стран Запада на быстрое урегулирование ливийского кризиса не оправдывались. Массового перехода сподвижников и сторонников М.Каддафи на сторону оппозиции не происходило, даже несмотря на признание (прежде всего Францией) Переходного национального совета (ПНС) Ливии *«единственным законным представителем ливийского народа»* [14, с. 5]. Вооруженные силы оппозиции оказались не в состоянии перейти в наступление на Триполи и добиться решающего преимущества над вооруженными силами Ливии. Все это вело к обретению конфликтом затяжного характера, что отнюдь не отвечало интересам западно-европейских государств. К тому же ряды оппозиционеров активно пополнялись за счет боевиков, радикальных исламистов, религиозных экстремистов и террористов организации «Аль-Каида в исламском Магрибе», сторонницами которых все более явно становились страны Запада и США, что негативно сказывалось на их международной репутации.

Поскольку военными средствами ливийский конфликт урегулировать не удавалось, стратеги НАТО прибегли к использованию нового вида психологически-информационного оружия [подробнее см. 16], позволявшего им оказывать сильнейшее психологическое давление на представителей правящей верхушки и командного состава вооруженных сил Ливии, попытавшись добиться их дезориентации и разложения, многократно ослабляя решимость, подавляя волю и лишая достоверной информации, воздействуя на противника путем изменения его психологического состояния.

Цель психологической войны Запада против М.Каддафи состояла в том, чтобы ускорить распад его режима изнутри,

избежав тем самым необходимости ввода в страну сухопутных войск. Обращение к кибернетическому оружию свидетельствовало о том, что в попытке устранить ливийского лидера Организация Североатлантического договора успеха не добилась.

Воспользовавшись этим, власти Ливии заявили о готовности провести выборы или референдум по вопросу о реформе политической системы страны, о чем 5 апреля 2011 г. заявил официальный представитель правительства Муса Ибрагим. По его мнению, только ливийский народ, а не иностранные державы, должен определить, следует М.Каддафи оставаться у власти или нет. И сделал однозначный вывод: *«Муаммар Каддафи должен оставаться во главе страны как гарант ее единства и безопасности. Он – не просто человек, он – гарант безопасности, гарант того, что Ливия останется единой. Мы можем иметь любую политическую систему, любые перемены, конституцию, выборы, всё – что угодно. Но лидер должен провести нас через это. Мы убеждены в этом»* [16, с.7-8].

Однако предложение правительства Ливии об урегулировании кризиса путем достижения компромисса не было поддержано ни странами Запада, ни ливийской оппозицией, которые условием любого компромисса считали отказ М.Каддафи и членов его семьи от власти. Не помогло в решении данного вопроса и посредничество Африканского союза (АС). В этих условиях единственным способом урегулирования кризиса для западноевропейских государств стала попытка, что называется, взять М.Каддафи *«измором»* [16, л.10]. Для этого ими была предпринята молниеносная международная военная операция в Ливии: 19 марта 2011 г., то есть через два дня после принятия резолюции СБ ООН 1973, французские ВВС нанесли первые авиаудары по ливийским силам ПВО [см. 17, с.5-8].

Вслед за Францией к военной операции подключились США, Великобритания, Канада, Дания, Бельгия, Нидерланды. После того, как они открыто поддержали ливийских повстанцев, по всей стране развернулись ин-

тенсивные наземные и воздушные боевые действия, в результате которых погибли десятки гражданских лиц и пострадали мирные жители многочисленных населенных пунктов и целых городов, оказавшиеся отрезанными от баз снабжения, лишенные финансовых средств на поддержание жизненно важных потребностей.

Всего со времени начала командования НАТО военной операции в Ливии (*31 марта*) международные вооруженные силы совершили 8.878 боевых вылетов, в том числе 3.385 ударных [здесь и далее: 18, с.20]. Чтобы не допустить нарушения эмбарго Альянса на поставки оружия в Джамахирию, прибрежные воды страны патрулировало 19 военных кораблей. Будучи не в состоянии оказать адекватное сопротивление силам НАТО, военную службу у М.Каддафи оставили и покинули родину 120 офицеров вооруженных сил Ливии. В результате численность его армии сократилась до 20%. *«Вокруг Каддафи, – по словам одного из беглецов, генерала Малюда Масуда Халаси, – осталось лишь несколько сотен солдат, а генералов – не более десяти человек»*. Несмотря на это, слабая военная подготовка повстанцев и потери, понесенные в ходе боев, не позволяли им сломить сопротивление правительственных сил. Создавалась патовая ситуация, вследствие чего политическое и социально-экономическое будущее Ливии становилось непредсказуемым.

Невольно возникал вопрос: что вызвало столь резкое обострение взаимоотношений стран Запада и Ливии, довело их до состояния полного неприятия друг друга? Ведь в начале 2000-х гг. они вполне успешно развивались в области экономики, прежде всего в нефтяной отрасли, с учетом официального отказа Джамахирии от политики терроризма. Активную деятельность Франции еще можно было понять: президенту Н.Саркози вследствие произошедшего в тот период резкого падения его политического рейтинга крайне необходима была *«маленькая победоносная война»*, а ситуация в Ливии обеспечивала ему такую возможность. Но чем полковник М.Каддафи не угодил остальным ведущим державам Запада и США?

Оказывается, на то была причина, и вполне веская! Поняв механизм использования Соединенными Штатами американской валюты как средства подчинения себе всех стран мира, М.Каддафи выступил инициатором создания единого могущественного федеративного арабо-африканского государства с численностью населения в 200 млн. человек и введения в обращение вместо ничем не обеспеченного бумажного доллара вполне надежного ливийского золотого динара [подробнее см. 19; 20]. Эта идея вызвала взрыв негодования за океаном и в Европе, точно так же, как ранее такое же негодование «завязанных» на американский доллар западноевропейских государств вызвал Китай, предложивший использовать в качестве единой мировой валюты золотой юань [здесь и далее см. 20].

Но Китай находится где-то там..., далеко, а Ливия – здесь, в непосредственной близости от Европы. К тому же рядом с ней – богатейшие нефтедобывающие монархии Ближнего Востока, для которых в критический момент динар также мог бы оказаться вполне приемлемой мировой валютой. Следует напомнить, что идеи М.Каддафи уже были к тому времени поддержаны рядом арабских государств и почти всеми странами Африки.

Допустить этого страны Запада никак не могли. И если первоначально они добивались отстранения М.Каддафи от власти, затем его отъезда из Ливии, то конечной их целью стало физическое устранение лидера Джамахирии любой ценой и любыми средствами. В награду это сулило им еще большие, чем при полковнике, дивиденды в виде доходов от нефтедобычи в Ливии. Такие перспективы стоили поддержки исламских и/или исламистских повстанцев–антикаддафистов. А судьба самой Ливии как государства их совершенно не беспокоила.

Так, благодаря политике западноевропейских стран и США ранее единая страна оказалась разрушенной; расколотой на анклав, где действовали враждовавшие между собой племена и военизированные формирования; ливийская государственность была фактически уничтожена. Новые

власти оказались не в состоянии навести порядок. Их основные институты практически не работали. Ливия по существу находилась под контролем бывших ополченцев, в том числе радикальных исламистов, разделивших её на секторы. Эффективное централизованное управление отсутствовало.

В соответствии с исламским правом (*шариатом*), утвержденным Всеобщим национальным конгрессом (*ВНК, парламент*) в качестве основы законодательства, главным его источником было признано мусульманское религиозное право, которому обязаны были следовать все государственные институты и учреждения, регулирующие деятельность финансового и банковского секторов экономики, а также уголовный кодекс страны. Все законы, противоречившие нормам шариата, были отменены. В повседневную жизнь ливийского народа внедрялись постулаты ислама, правда, пока умеренного, далекого от экстремизма.

Обладавшая некогда большим потенциалом и перспективной развивающейся экономикой, Ливия превратилась фактически в сырьевой придаток Запада, представляющий интерес для зарубежных инвесторов лишь с точки зрения освоения её нефтяных месторождений и поставщика «*черного золота*» и газа. Уже в начале декабря 2013 г. страна столкнулась с серьезными экономическими трудностями, вызванными сокращением на 80% доходов от экспорта энергоресурсов. Причиной послужила блокировка вооруженными ополченцами работы нефтяных объектов. В результате, по данным Всемирного банка, в рейтинге по условиям ведения бизнеса Ливия опустилась на предпоследнюю (188-ю) строчку, опередив Чад [здесь и далее: 21].

Всеми этими трудностями и проблемами Ливия была обязана западноевропейским державам и США, их вмешательству в её внутренние дела и в целом антикаддафистской направленности их политики. И это несмотря на то, что, согласно заявлению главы оппозиционного Переходного национального совета (ныне – либерального Союза национальных сил) Махмуда Джибриля, «*М.Каддафи готов был пойти на сделку с оппозицией, отдав ей на откуп Бенгази – город,*

откуда началось ливийское восстание. И, если бы не вмешались американцы, – утверждал он, – “революционеры”, скорее всего, согласились бы на такой вариант, организовав в Бенгази и его окрестностях что-то типа автономии со своими властными структурами. Но история не знает сослагательного наклонения», и мы имеем то, что имеем.

Алжир – мученик «арабской революции» в регионе

События, порожденные так называемыми «революциями арабской весны» 2011–2013 гг., затронули и Алжир. Правда, произошли они там гораздо раньше, а именно: в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Просто в то время никто не знал, что это была именно такая «революция».

В первые годы независимости перед руководством Алжира встала задача преодоления последствий колониального периода. Необходимо было решить массу острых общественно-политических и социально-экономических проблем с целью превращения страны в высокоразвитое процветающее государство путем создания современного промышленного и сельскохозяйственного производства, подъема национальной культуры, развития образования, здравоохранения и т.д.

Решение всех этих задач требовало не только значительного времени, сопоставимого с жизнью целого поколения алжирцев, наличия квалифицированных кадров специалистов в разных сферах деятельности, огромных финансовых ресурсов, но и солидарности и единства действий представителей всех слоев общества, заинтересованных в осуществлении этих грандиозных планов.

Сначала поставленные задачи решались в условиях однопартийной системы управления единственной правящей партии Фронт национального освобождения (ФНО), ставившей под жесткий контроль деятельность общественных организаций. Это вызывало недовольство большинства населения. Руководство страны было вынуждено взять курс на переход к многопартийной системе управления, что позволило представителям общественности открыто выражать недовольство малоэффективной социально-экономической

политикой властей, способствовало росту религиозно-националистических настроений, активизации деятельности исламских фундаменталистов. Их лозунги на фоне трудно решаемых насущных проблем (*ухудшение качества жизни, нищета большинства населения, безработица, низкий уровень образования, рост коррупции и взяточничества*), вызванных недочетами в политике правительства, а также падением мировых цен на нефть, были поддержаны широкими слоями населения. Репрессии и преследование недовольных вели к еще большему недовольству, массовым беспорядкам, антиправительственным выступлениям.

В октябре 1988 г. рост недовольства охватил все стороны жизни алжирского общества. Ответом властей стало внесение в конституцию поправок (*которые предусматривали отмежевание государственного руководства от высшего партийного*) с целью последующего обсуждения их на всенародном референдуме. Принятие закона о многопартийности (*июль 1989 г.*) повлекло за собой увеличение к концу 1990 г. количества массовых общественно-политических организаций примерно до 40 [здесь и далее см. 22, с.11]. Одной из наиболее влиятельных среди них стал Исламский фронт спасения (*ИФС*) – партия исламских фундаменталистов. Этому способствовала активная пропагандистская работа фундаменталистов среди населения, особенно молодежи, в том числе студенческой. Используя общенародное недовольство сохранявшейся нерешенностью острых социально-экономических проблем, а также падением нравов под влиянием западной массовой культуры и пропаганды западного образа жизни, ИФС ратовал за возвращение в жизнь алжирского населения «*исламских ценностей*», введение шариата как основы национального законодательства и даже провозглашение Алжирской Народной Демократической Республики (*АНДР*) «*исламским государством*».

Деятельность ИФС и активная поддержка ее населением вызвали серьезное беспокойство руководителей Алжира, убедили их в необходимости противодействовать подъему фундаментализма в стране путем восстановления былого

авторитета и влияния ФНО в обществе. Однако добиться этого им не удалось, поскольку верхушка партии, обюрократившаяся за 30 лет пребывания у власти, погрязшая в коррупции и борьбе за привилегии, оторвалась от народных масс, не пользовалась поддержкой населения, полностью дискредитировала себя в глазах алжирцев.

В результате к началу 1990-х гг. ИФС превратился в самостоятельную силу, способную идейно и политически влиять на ход событий в АНДР. Действительно, на муниципальных выборах (*12 июня 1990 г.*) Фронт набрал 65% голосов избирателей. Это позволило ему в течение пяти последующих лет контролировать деятельность 32 из 48 территориально-административных единиц страны, а летом 1991 г. начать широкую кампанию за установление в Алжире исламского республиканского строя [здесь и далее: 22, с.13]. Этого власти позволить никак не могли: 6 июня в стране было введено чрезвычайное положение. Прошли массовые аресты активистов и сторонников ИФС (*численностью более 2,5 тыс. человек*), включая руководителей Фронта Аббаса Мадани и Али Бельхаджа.

Несмотря на принятые меры, а, возможно, именно благодаря им, в ходе состоявшегося 28 декабря 1991 г. первого тура парламентских выборов, прошедших на многопартийной основе, Исламский фронт спасения одержал победу, набрав, по одним данным, примерно 50%, по другим, – около 78% голосов [см.23, с.11; 24] и завоевав 187 (*из 430*) депутатских мест против 18, доставшихся ФНО. Для получения большинства в парламенте лидерам Исламского Фронта не хватало 29 мест, которые они вполне реально рассчитывали добрать во втором туре голосования. Однако этому не суждено было сбыться.

Чтобы не допустить очевидной победы ИФС, 11 января 1992 г. военные в рамках Высшего совета национальной безопасности (*ВСНБ*) настояли на отставке главы государства президента Шадли Бенджедиды; учредили Высший государственный совет (*ВГС, новый орган государственной власти*). Заочно избрали руководителем ВГС Мухаммеда

Будиафа – видного алжирского политического деятеля, героя национально-освободительной борьбы алжирского народа против французских колонизаторов, одного из основателей ФНО в 1954 году, позднее выступившего против политического курса алжирского руководства и с 1962 г. в течение 30 лет находившегося в эмиграции в г.Кенитра (Марокко).

Кроме М.Будиафа в состав ВГС вошло еще трое видных политических деятелей, борцов за национальную независимость Алжира, что сделало его, по сути, органом власти армейской верхушки.

Целями М.Будиафа и его ближайшего окружения стали восстановление государственной власти в стране с целью решения острых социально-экономических проблем; вывод страны из глубокого кризиса; предотвращение гражданской войны.

Сначала М.Будиаф рассчитывал на сотрудничество со всеми политическими партиями страны. Однако его насторожила безапелляционность лидеров ИФС, утверждавших (*ссылаясь при этом на итоги первого тура голосования в ходе парламентских выборов, состоявшихся 28 декабря 1991 г.*), что именно они являются законными представителями алжирского народа. М.Будиаф отверг претензии исламских фундаменталистов на монополию власти в Алжире. Указав при этом на несовершенство избирательной системы, допустившей подобное. Тем более что позднее, при окончательном подсчете голосов выяснилось, что реально за исламистов проголосовало лишь 3,2 млн из 13 млн зарегистрированных избирателей [здесь и далее см. 22, с.19-20], или около 25% [подсчитано по: 22, с.19].

Для примера, за Фронт социалистических сил (ФСС) были отданы голоса 1,8 млн человек, или примерно 14% избирателей [подсчитано по: 22, с.19], однако по итогам выборов ему досталось в парламенте всего 26 мест. Это явно свидетельствовало либо об ошибке в подсчете голосов; либо о фальсификации выборов; либо о несовершенстве избирательной системы. Сочтя итоги выборов несправедливыми, ФСС (*поддержанный ФНО*) выступил с резкой критикой в ад-

рес новых властей и отказался признать *«законность любого органа, связанного с ВСНБ»* на том основании, что его позиция сводится к *«двойному отказу от республики интегрлистов и полицейского государства»* [22, с.20].

В свою очередь лидеры ФНО пошли на прямые контакты с ИФС, что грозило новому руководству Алжира серьезным противостоянием трем ведущим политическим силам страны. Чтобы не допустить серьезного обострения ситуации, ВГС ввел в стране чрезвычайное положение (*9 февраля 1992 г. сроком на 12 месяцев*); принял решение о роспуске ИФС (*4 марта 1992 г.*) и большинства местных органов власти, в которых он пользовался влиянием; начал репрессии в отношении сторонников Фронта; приступил к созданию Национального патриотического объединения (НПО) на основе трех основных политических движений Алжира: националистического (*во главе с ФНО*), умеренного исламистского и неосоциалистического [подробнее здесь и далее см. 22, с.28-31].

Цель создания НПО состояла в том, чтобы объединить в его рамках приверженцев ВГС, поддерживавших действия руководства страны, направленные на восстановление авторитета государства и установление многопартийной демократии в интересах развития Алжира путем ускоренного перехода к рыночной экономике и поощрения деятельности национального и иностранного капитала.

После роспуска ИФС, введения чрезвычайного положения и отмены второго тура голосования на парламентских выборах (*назначенного на 16 января 1992 г.*) руководство Фронта обратилось к военным с призывом *«отказаться от приверженности сторонникам тирании и опеки над народом и выступить в защиту ислама»* [22, с.42]. Население же оно призывало не признавать новую власть и вступить в открытую конфронтацию с властями [см. 22, с.43].

В начале февраля 1992 г. на политическую арену вышли формировавшиеся внутри ИФС группировки экстремистского толка, движущей силой которых являлась молодежь, развернувшая террористическую деятельность по всей стране.

В марте активизировались контакты исламистов Фронта с их единомышленниками в Судане, Иране, Афганистане, Ливане, откуда им поступала помощь оружием и где готовились боевики для пополнения экстремистских группировок, действовавших внутри Алжира.

Деятельность ИФС дала руководству страны законное основание предъявить его лидерам (*А.Мадани и А.Бельхаджу*) обвинения в призыве алжирского населения к вооруженному восстанию против законных властей и создании вооруженных формирований. Судебный процесс начался 27 июня 1992 г. в военном трибунале города Блида, а через два дня, 29 июня было совершено покушение на председателя ВГС М.Будиафа, в результате которого он погиб. Убийство М.Будиафа грозило Алжиру очевидным развязыванием гражданской войны между исламистами и военными и установлением в результате победы тех или других кровавого диктаторского режима.

2 июля 1992 г. ВГС избрал нового главу государства: члена Совета Али Кафи. Обратившись к А.Кафи, ИФС сразу же предложил ему и возглавленному им руководству страны сделать выбор между возобновлением прерванного 16 января 1992 г. «*демократического избирательного процесса*» и ростом насилия с его стороны [см. 22, с.52-53]. Поскольку призыв ИФС к А.Кафи остался без ответа, 5 июля начались вылазки экстремистов из числа сторонников Фронта, их столкновения с представителями правоохранительных органов. В итоге в период с 9 февраля по 1 июля 1992 г. от рук исламистов погибло более 100 сотрудников сил правопорядка [22, с.55]. Позднее (*июль 1992 г.*) исламисты изменили тактику, перейдя от партизанских методов ведения борьбы к нападениям на объекты национальных систем связи и энергоснабжения и совершению террористических актов с использованием взрывных устройств. В целом деятельность ИФС осуществлялась по трем направлениям: политические акции, вооруженные выступления внутри страны, создание филиалов Фронта за рубежом. Так начался затяжной период противостояния ИФС руководству ВГС.

В свою очередь А.Кафи, обратившись 2 июля 1992 г. к нации, заявил о намерении руководства страны продолжить курс М.Будиафа по восстановлению государственной власти путем диалога с представителями всех политических сил страны, включая умеренных исламистов, с целью достижения общенационального примирения. Конкретно речь шла об установлении в стране переходного периода и проведении новых парламентских выборов.

Намерение главы государства было положительно воспринято большинством легальных оппозиционных сил. Лишь исламисты Фронта отказались от переговоров, начали создавать собственные властные структуры и продолжали активную террористическую деятельность. Ответом властей стало ужесточение законодательства о борьбе с терроризмом.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения ВГС, стало получение им информации о подготовке с участием активистов ИФС террористического акта в алжирском международном аэропорту. После этого властями был однозначно взят курс на тотальную конфронтацию с исламистами. К концу 1992 г. им удалось нейтрализовать деятельность Фронта, раскрыть и уничтожить сеть подпольных ячеек боевиков, захватить большое количество современного автоматического оружия и взрывчатки, боеприпасов, снаряжения и медикаментов, а также подрывную пропагандистскую литературу, средства радиосвязи и даже армейскую и жандармскую форму.

В ходе проведенных операций силы безопасности только во второй половине октября 1992 г. арестовали около 500 человек, обвиненных в причастности к политическому терроризму. Более того, в конце года состоялся суд над 90 бывшими военнослужащими, в том числе несколькими офицерами, по обвинению в причастности к террористическим акциям и антиправительственной пропаганде, а также военной подготовке около 600 алжирских исламистов за границей [22, с.64-65].

Несмотря на эти меры, а также убийство в боевых столкновениях с исламистами 138 религиозных экстремистов

и арест более 700 активистов и сторонников ИФС (*при гибели 37 и 18 гражданских лиц*) [22, с.67], меры властей не способствовали сокращению активности боевиков. Напротив, они вызывали еще более яростное их сопротивление, что вело к применению обеими сторонами тяжелого стрелкового оружия и гранатометов, использованию исламистами автоматического оружия, захваченного в ходе нападений на полицейских и похищенного из армейских складов.

Все более очевидными представлялись неспособность военных подавить выступления исламистских боевиков и в целом бесперспективность силового решения насущных проблем алжирского общества. Не помогало и обращение правительства к народным массам и здоровым политическим силам страны, объединенным в рамках НПО, встать на защиту родины, спасти алжирское государство от полного развала.

Вместе с тем исключение руководством страны ИФС из числа участников диалога также подвергало сомнению возможность его проведения. Например, лидер исламистской партии умеренного толка ХАМАС шейх Махфуз Нахнах считал, что диалог должен был охватить *«серьезно мыслящие круги в рамках бывшего ИФС»*. *«Даже будучи запрещенной, эта партия и сегодня располагает многочисленными активистами и сторонниками, – заявлял он, выражая позицию своего движения. – Среди них есть люди, с которыми можно наладить диалог, чтобы достичь безопасности и стабильности в стране, – продолжал М.Нахнах. – Активисты и сторонники бывшего ИФС являются алжирцами, и многие из них – истинные патриоты»*, – подчеркнул он и осудил тех из соотечественников, кто призывал отстранить от участия в диалоге все исламистские партии, в том числе умеренные [22, с.67-68].

Со своей стороны, Фронт социалистических сил предварительным условием своего участия в диалоге требовал привлечения к нему армии для обеспечения гарантии осуществления соглашения между ВГС и партиями в случае, если оно будет достигнуто [см. 22, с.68].

Несмотря на возражения ХАМАС и условия, выдвинутые ФСС, 13 марта 1993 г. диалог между властями и силами оппозиции начался. В ходе него обсуждались возможности расширения состава Национального консультативного совета, методы государственного управления в переходный период, вопросы, касавшиеся восстановления института президентства (*после завершения срока полномочий ВГС в январе 1994 г.*) и подготовки референдума по проекту пересмотренной конституции.

Однако террористическая деятельность исламистов, сеявшая страх среди населения и еще более дестабилизировавшая обстановку в стране, продолжалась. Соответственно росло число жертв вооруженного противостояния властей и экстремистов. За полтора года, прошедших после введения чрезвычайного положения (*6 июня 1991 г.*), погибло 860 человек, в том числе 317 полицейских и военнослужащих, 370 исламистов, 173 мирных жителя [здесь и далее: 22, с.71].

Лидеры ИФС всю полноту ответственности за происшедшее возлагали на алжирское руководство, которое, по их словам, *«перечеркнуло выбор народа»*. Они считали, что единственной возможностью восстановления стабильности в стране мирными политическими средствами являлось *«безоговорочное возвращение к результатам голосования на отмененных парламентских выборах и в непосредственном обращении к шейхам-старейшинам для обсуждения с ними путей выхода из кризиса»* [22, с.72].

Что касалось представителей высшего военного руководства, то часть их допускала возможность возобновления диалога с умеренным крылом ИФС и существенных структурных изменений в высших руководящих органах Алжира, в частности упразднения ВГС и правительства и передачи власти Республиканскому совету (РС) состоящему из представителей высшего военного руководства. Главой РС предлагалось назначить гражданское лицо, пользующееся доверием основных политических сил страны.

Осуществление мер, предложенных этой группой военных, позволило бы, по их расчетам, приступить к поискам

эффективных путей вывода страны из тяжелейшего политического и социально-экономического кризиса, в том числе путем диалога с представителями умеренного крыла ИФС. Однако политический диалог между властями и оппозицией так и не возобновился, и возможность наладить его не просматривалась. Вооруженное противостояние властей и религиозных экстремистов продолжалось. Число его жертв в 1993–1995 гг., по разным оценкам, составило от 30 до 40 тысяч человек [22, с.73], а в последующие годы только увеличивалось.

Стабилизация внутривластной обстановки началась с приходом к власти в стране в феврале 1994 г. Ламина Зеруаля – прагматик, пользовавшегося авторитетом в политических кругах и среди большинства населения. Историческая роль Л.Зеруаля в труднейших условиях, сложившихся в Алжире в 1990-е гг., определялась тем, что ему удалось предотвратить распад армии, на что рассчитывал ИФС. Он способствовал расколу исламистского движения путем привлечения к взаимодействию с властями его умеренного крыла. Установил связи с оппозиционными светскими партиями, укрепив тем самым позиции правящего режима.

В сентябре 1998 г. Л.Зеруаль объявил о досрочном добровольном сложении с себя полномочий главы государства, что способствовало снижению накала страстей во внутривластной жизни Алжира и переключению внимания общественности на предстоявшие президентские выборы.

Новым главой государства стал победивший на выборах (1999) Абдельазиз Бутефлика, продолживший курс Л. Зеруаля по стабилизации внутривластной обстановки в Алжире. Целью его курса развития страны стало достижение общенационального примирения и оздоровление экономики. Предложенная А.А.Бутефликой «Хартия мира и национального примирения» знаменовала собой окончание гражданской смуты 1992–1999 гг. и в силу этого стала знаковым событием в истории Алжира.

Надо сказать, что успех А.А.Бутефлики на посту главы государства во многом определялся тем, что к началу его

президентства с политической арены АНДР ушло большинство состарившихся к тому времени военных, представителей армейской верхушки, стоявших у истоков гражданской войны. К тому же были амнистированы политзаключенные из числа активистов и сторонников ИФС, что несколько снизило накал страстей.

Главное же, чему он был обязан своим успехом, – сложившаяся к началу 2000-х гг. весьма благоприятная конъюнктура на мировом рынке углеводородов. Использование только части финансовых средств от экспорта нефти и газа в интересах народа сразу дало положительные результаты: рост ВВП (2003) достиг 6,8%; годовой доход на душу населения (2004) составил \$ 1 720 [23, с.11].

Стремительный рост мировых цен на нефть и газ обеспечил нынешнему алжирскому руководству возможность в течение 10 лет осуществлять детально проработанную им широкомасштабную программу всестороннего развития страны в интересах широких слоев населения. Именно это позволило ему спасти Алжир, интегрировать умеренных исламистов в общественно-политическую жизнь и обеспечить поддержку народными массами нового курса властей. Страна, пережила страшную трагедию, вспоминая об ужасах которой, алжирцы не хотели новых потрясений и кровопролития. Они хотели мира и спокойствия.

Мира и спокойствия хотели и руководители Алжира. Именно поэтому в президентской программе значительное внимание уделялось месту и роли исламской религии в жизни общества. Предусматривалось реформирование системы религиозного образования. Был усилен контроль государства над религиозной жизнью с целью недопущения в мечетях пропаганды радикального фундаментализма и в целом включения исламистского движения в действовавшую политическую систему.

Эта политика руководства страны дала, и довольно быстро, положительные результаты. Так, о полной поддержке курса А.Бутефлики заявили вошедшие в состав президентской коалиции и представленные *(по результатам майских 2007 года*

парламентских выборов) в Национальном народном собрании партии Движение общества за мир (ДОМ) и «Ан-Нахда» («Возрождение»). Поддержали его также Национально-демократическое объединение (НДО) и Фронт национального освобождения, составившие основу президентской коалиции. В свою очередь, находившаяся в оппозиции президенту и выступившая против правительственной программы широкомасштабной приватизации партия Движение за национальную реформу (ДЗНР) выступила за исламскую социальную справедливость. Активную работу вели общественные организации «Верность» («Вафа») и бывший Исламский фронт спасения.

Примечательно, что бывшие лидеры ИФС и Исламской армии спасения (ИАС) заявили о готовности работать вместе с властями во имя возрождения Алжира. А.Мадани и А.Бельхадж (*вышедшие на свободу в 2003 г. по амнистии*) уверяли, будто многие боевики из радикальной исламистской группировки «Салафитская группа для проповеди и борьбы» сложили оружие и сдались властям [здесь и далее см. 23, с.13]. В свою очередь бывший эмир ИАС Мадани Мезраг заявил, что не пожалеет усилий для того, чтобы вернуть обманутых исламистов, пока еще находившихся в рядах боевиков, к мирной жизни.

О чем это свидетельствовало? О том ли, что политические взгляды радикальных исламистов кардинальным образом изменились? Или о том, что они намерены усыпить бдительность алжирского руководства, переждать какое-то время, а затем продолжить прежнюю деятельность? Тем более что радикальные «Вооруженные исламские группы» (ВИГ) и «Аль-Каида в исламском Магрибе» (АКИМ) продолжали террористическую деятельность в регионе, осуществив, в частности, в апреле и сентябре 2007 г. серию террористических актов, в том числе в городе Алжир.

На эту последнюю мысль наводят сообщения о коррупционной деятельности руководителей Алжира практически с первых лет независимости вплоть до 11 января 1992 г., когда у власти оказались представители армейской верхушки. В стране процветали коррупция и массовые хищения госу-

дарственных средств. Это исключало возможность решения острых социально-экономических проблем и вызвало резкое неприятие широких народных масс. Обострением внутривнутриполитической обстановки воспользовались радикальные исламисты. Их противостояние властям привело к вооруженному конфликту 1992–1999 гг., в ходе которого погибло более 200 тыс. человек. Около 1 млн человек вынуждено было покинуть свои дома, став вследствие этого перемещенными лицами [24]. Колоссальный ущерб (*почти \$ 30 млрд*) был нанесен национальной экономике [25, с.11].

Однако и в 1999 г. у кормила власти вновь оказались те же самые коррупционеры, которые действовали при прежнем режиме [подробнее см. 26], а именно: глава государства и его ближайшее окружение в лице членов семьи и друзей президента. В стране процветала коррупция, действовала система «откатов» [см. 25, с.12; 27; 28].

То есть, по сути, во внутривнутриполитической жизни Алжира ничего не изменилось. Основу экономики по-прежнему составляли нефть (*дававшая 60% государственных доходов и обеспечивавшая 95% экспорта*) и газ (*четвертым мировым экспортером которого была АНДР*) [здесь и далее см. 26]. В 1999–2009 гг. доходы от экспорта углеводородов составили более \$ 1 трлн, что позволяло Алжиру, «*сидящему на нефтьтегазовой игле*», ничего не производить, а алжирскому руководству вложить около \$ 200 млрд в американские «*бонды*» и выделить \$ 5 млрд Международному валютному фонду в виде «*помощи*».

И это несмотря на то, что более половины населения находилось за чертой бедности. Доведенные до отчаяния люди устали ждать от властей активных действий по решению острых социально-экономических проблем. Они начали готовиться к борьбе за свои права. Все это с неизбежностью вело к повторению событий, которые президент «*А.Бутефлика впервые охарактеризовал как гражданскую войну*» 1992–1999 гг. [см. 7].

В конце декабря 2010 г. начались массовые акции протеста. Их участники требовали улучшения условий жизни и

расширения гражданских свобод, в частности предоставления свободы средствам массовой информации, прежде всего разрешения работы частных телеканалов. Во время одного из митингов между демонстрантами и полицией произошло несколько стычек, в результате которых было арестовано 400 человек [29].

Чтобы не допустить дальнейшего обострения ситуации, в феврале 2011 г. руководство страны отменило введенное в июне 1991 г. чрезвычайное положение. Пообещало в ближайшее время разрешить проведение запрещенных ранее демонстраций и митингов протеста на всей территории страны, за исключением столицы. Предоставить время всем политическим партиям в эфире государственных радиостанций и телеканалов. Заявило о проведении 10 мая 2012 г. парламентских выборов. Гарантировало обеспечение «прозрачности» этих выборов, что было закреплено законодательно и стало основным отличием намечавшихся выборов от проводившихся ранее. Для этого решено было пригласить около 500 международных наблюдателей – представителей Евросоюза, Лиги арабских государств, Африканского союза, Организации исламского сотрудничества [здесь и далее: 25, с.12]. Ожидалось прибытие еще 100 наблюдателей от американских неправительственных организаций.

В ходе подготовки выборов путем мобилизации более 60 тысяч сотрудников полиции [25, с.11] были введены повышенные меры безопасности и взяты под усиленную охрану избирательные участки, расположенные на всей территории страны. Особенно в южных районах, где по-прежнему бесчинствовали боевики террористической «Аль-Каиды в исламском Магрибе».

Эти меры представлялись оправданными, поскольку в преддверии объявленных парламентских выборов у представителей общественности возник ряд вопросов относительно будущего государственного устройства Алжира, то есть того, будет ли он президентской, полупрезидентской или парламентской республикой. Исламисты отстаивали последний вариант, рассчитывая на победу по итогам голосования,

аналогичную победу их единоверцев и единомышленников в Тунисе, Ливии и Египте. Они готовы были выйти на политическую арену после 20-летнего периода определенного забвения, вызванного роспуском ИФС (4 марта 1992 г.), и активно бороться до победного конца.

Что касалось Фронта национального освобождения, некогда правившей партии Алжира, то его охватил кризис, порожденный дискредитацией лидера ФНО Абдельазиза Бельхадема с 2005 г., когда он возглавил ФНО. По крайней мере, в глазах 220 членов Центрального комитета Фронта. Они обвинили его в формировании партийных списков на основе *«материальной выгоды, коррумпированности, семейственности, лояльности к группировкам, связанным с властью»*. Что, по их оценке, привело к *«анархии и сепаратизму в рядах партии»* [25, с.12].

В январе 2012 г., за четыре месяца до очередных парламентских выборов, в президентской коалиции произошел раскол. Исламисты Движения общества за мир (ДОМ) выступили инициаторами создания самостоятельного предвыборного блока «Альянс за “Зеленый Алжир”» (АЗА) путем объединения с исламистскими партиями «Ан-Нахда» и «Аль-Ислах» («Реформа»), который мог бы, по мысли его создателей, стать мощной силой и заслоном на пути продвижения к власти в стране других, разрозненных политических партий. Опасаясь такой возможности, алжирское руководство, рассчитывая на сильные антиисламистские настроения в обществе, призвало население принять активное участие в голосовании. Несмотря на это, в выборах участвовало всего 42,36% алжирцев, имевших право голоса [7]. Низкая активность избирателей могла свидетельствовать об их усталости от внутривнутриполитической борьбы, длившейся в стране более 20 лет, желании таким образом отмежеваться от участия в ней. Тем не менее, результаты выборов были признаны действительными.

По официальным данным, абсолютную победу среди 44 участвовавших в них политических партий, в том числе 7 исламистских, одержал Фронт национального освобождения.

Он получил 221 мандат в Национальном народном собрании (*против 136 в предыдущем составе парламента*) [25, с.12]. Второе место и 70 мандатов в нижней палате парламента достались Национальному демократическому объединению (НДО), лидером которого выступал премьер-министр Ахмед Уяхья. Третье место заняли исламисты АЗА, получившие 47 мест в ННС (*против 51 в предыдущем составе парламента*) [здесь и далее: 7].

Таким образом, успехи ФНО и НДО на парламентских выборах в мае 2012 г. со всей очевидностью продемонстрировали, что абсолютное большинство в Национальном народном собрании получили пропрезидентские партии, хотя по завершении избирательной кампании исламистские лидеры подвергли сомнению итоги выборов, назвав их результаты «*нелогичными и неприемлемыми*» и выразив сожаление по поводу «*отступления демократии*».

Главное состояло в том, что выборы «*подтвердили специфику Алжира*», которому удалось сохранить существовавшее в стране положение, не допустив возможной победы исламистов. И произошло все это, по словам лидера Партии трудящихся (*получившей 20 депутатских мест в ННС*) Луизы Ханун, благодаря тому, что «*алжирский народ извлек уроки из своего исламистского опыта и категорически не хочет повторения национальной трагедии*».

Вместе с тем нельзя не согласиться с замечанием лидера Фронта за справедливость и развитие Абдаллы Джабаллы, заявившего, что *результаты выборов закрыли дверь перед изменениями путем голосования, и теперь тем, кто верит в изменения, ничего не остается, как тунисский вариант. Рано или поздно, – предупредил он, – Алжир примет тунисский выбор*». Это серьезное замечание, и оно, действительно, не сулило пропрезидентской коалиции ничего хорошего в случае, если бы она остановилась на достигнутом. Ведь в тех странах, где победила «*арабская весна*», она определила центральной проблемой развития региона демократизацию.

События в Тунисе и Ливии ясно показали неприятие широкими народными массами коррумпированных, основанных

на господстве правящих мафиозных структур общественно-политических систем, господствовавших в этих странах до произошедших в них так называемых «*арабских революций*». Они подтвердили приверженность арабских народов универсальным общечеловеческим ценностям, касающимся прежде всего соблюдения прав человека. Поэтому от руководства нового Алжира требовалось осуществление политики, направленной на восстановление гражданского примирения и согласия, интеграцию умеренного ислама в общественно-политическую жизнь страны и налаживание его взаимодействия с властями.

Мавритания – отголосок «революционных событий»

В Мавритании с 1978 года так же, как в Алжире, правила военная хунта, а затем – яркий ее представитель Мухаммед ульд Абдель Азиз, генерал, ставший после президентских выборов (*июль 2009 г.*) главой государства, формально обретший статус гражданского лица. Но противостояние между двумя этими режимами, с одной стороны, и исламистами, – с другой, в этой стране также имело место, хотя, к счастью, не обрело форму «революции» типа «арабской весны».

После создания (в конце 1990-х – начале 2000-х гг.) в Северо-Западной Африке отделения, а в Мавритании – ячейки террористической организации «Аль-Каида в странах исламского Магриба» (АКИМ) и развязывания ею террористической деятельности в регионе руководство Исламской Республики стало негативно относиться к этой деятельности. Исламистами это было воспринято как союзничество ИРМ со странами Запада. Они полагали, что военные не смогли бы совершить государственный переворот (*6 августа 2008 г.*), не заручившись предварительно поддержкой США, Франции и Израиля [см. 7]. Поэтому религиозные экстремисты поставили целью убить главу государства и предприняли ряд попыток организовать заговор против него. Хотя добиться успеха им до поры до времени не удавалось. Лишь 13 октября 2012 г. они осуществили покушение на президента.

Глава государства был ранен, но жизнь его оказалась вне опасности [см. 30].

Частые смены руководства Мавритании (1978–2008) происходили на фоне широкого недовольства населения сохранявшимся в течение всего периода правления военной хунты острым социально-экономическим кризисом. Страна отличалась низким уровнем развития производительных сил

и производственных отношений. Тяжелое положение сложилось в сельском хозяйстве, подорванном свирепствовавшей в течение многих лет засухой и нашествиями саранчи. Серьезный урон она нанесла скотоводству – основной отрасли национальной экономики.

Ведущей отраслью промышленности оставалась горнодобывающая, прежде всего добыча железной руды (*около 10 млн тонн ежегодно*), которая полностью экспортировалась (*в 1986 г. – 9,6 млн тонн*) [31, с.206; 32, с.320]. Однако падение мировых цен на нее на внешнем рынке в 2000-е гг. лишило Мавританию основного источника получения иностранной валюты, что вызвало дефицит платежного баланса. Практически нечем стало покрывать государственную задолженность.

Быстрыми темпами росли цены на продукты питания и товары первой необходимости. Увеличивалась безработица. В конце января 2009 г. президент объявил о 30%-м снижении цен на основные продукты питания и топливо [см. 33]. Но в середине февраля недовольство населения вызвали нехватка пресной воды и продолжавшийся рост цен на продовольствие. Жизненный уровень снижался, что служило причиной забастовок рабочих и служащих, студентов и преподавателей средних учебных заведений.

Напряженными оставались этно-расовые и социально-экономические противоречия в обществе, в котором представители укреплявшей свои позиции буржуазии и чиновничества, выходцы из «*благородных*» сословий купались в роскоши, в то время как подавляющее большинство населения бедствовало и не видело выхода из создавшегося катастрофического положения. Обвинения во всех бедах общественностью возлагались на президента и его окружение, погрязших в коррупции и хищениях государственных средств, некомпетентных в вопросах государственно-административного управления, не способных и явно не желавших заниматься решением насущных проблем внутривнутриполитического, прежде всего социально-экономического развития страны.

В целом сложившееся положение свидетельствовало о том, что за время правления военных в Мавритании мало что изменилось к лучшему. Она оставалась самой бедной страной арабского мира. ИРМ входила в группу наиболее слаборазвитых даже среди слаборазвитых в экономическом отношении государств мира. ВВП на душу населения (2009) составлял 2,1 тыс. долл. (*185-е место в мире*). В 2004 г. ниже уровня бедности находилось 40% населения, а в 2012 г. – почти 50% [34]. Более половины его было неграмотно. В 2011 г. в рабской зависимости оставалось около 20% жителей страны (*600 тыс. человек*); в октябре 2013 г. доля рабов составляла 4% (*148 534 чел.*) [подсчитано по: 35].

Проблемы возникли даже в развитии промышленного рыболовства –наиболее перспективной отрасли национальной экономики. К середине 1990-х гг. интенсивный в предшествовавший период и не контролируемый властями промысел иностранными судами морской рыбы и морепродуктов привел к полному истощению рыбных ресурсов. С 1996 г. Мавритания оказалась вынужденной ежегодно объявлять трехмесячные моратории на рыбный промысел.

Решению острых социально-экономических проблем Мавритании могла бы служить разработка её природных ресурсов. При условии, разумеется, использования доходов, получаемых от продажи добываемых полезных ископаемых на внешнем рынке, в интересах большинства населения, прежде всего, наиболее обездоленных его слоев. Необходимо было прекратить казнокрадство, хищения, неприкрытый грабёж представителями властей и их ближайшим окружением получаемых от экспорта финансовых средств. Однако этого не происходило.

Правительством рассматривались вопросы, касавшиеся разработки новых железорудных месторождений, добычи меди и золота, нефти и природного газа в разных районах страны. Однако препятствием служило опять-таки отсутствие финансовых средств, необходимых для развития приоритетных отраслей экономики. Попытки позаимствовать их у международных финансовых структур и нефтедобывающих

арабских государств наталкивались на их неготовность удовлетворить запросы мавританского руководства. Причинами являлись как нестабильность цен на минеральное сырье на внешнем рынке, так и опасения международных банков и иностранных государств по поводу непредсказуемости внутривнутриполитической обстановки в Мавритании.

Таким образом, все убеждало в том, что при сохранении сложившегося положения дел перспективы выхода Мавритании из политического и социально-экономического кризиса практически отсутствовали. Это подтвердили и специалисты ряда западных стран, проводившие в 2006–2009 гг. соответствующие исследования [здесь и далее см. 36]. Все они выразили сомнения в возможности преодоления Мавританией финансовых сложностей на пути осуществления планов модернизации национальной экономики без её активной «*маврританизации*», создания обстановки инвестиционной привлекательности для обеспечения международного содействия хозяйственным преобразованиям в стране и действенной борьбы с бедностью.

Ухудшилось внешнеполитическое положение Мавритании в связи с событиями в соседнем Мали, на территорию которого выдвинули притязания племена туарегов, живших ранее в Ливии, но бежавших оттуда после убийства М.Каддафи, а также многочисленные вооруженные группировки исламистов, экстремистов и террористов, базировавшихся в регионе. В 2012 г. их численность в районе Сахеля составила 6 тыс. человек (*против 500 человек в 2010 г.*) из числа жителей Мали, Алжира, Сомали, Кот-д'Ивуар, Сенегала, Гамбии, Ганы, Мавритании и Гвинеи [37, р.17]. В результате в центре Северо-Западной Африки сконцентрировалось множество беженцев из Мали, стремившихся укрыться в соседних странах, прежде всего Мавритании и Алжире, которые вследствие этого оказались вынужденными обустроить их и кормить. При том, что население ИРМ и АНДР само едва сводило концы с концами. К концу ноября 2012 г. этих беженцев было уже 400 тыс. человек. Наибольшее их число приняла именно Мавритания [см. 38], где в середине

января 2013 г. их насчитывалось 55 тыс. человек, а в начале февраля 2013 г. – более 150 тыс. чел. [39], и количество их продолжало увеличиваться по мере разрастания конфликта вокруг Мали и расширения круга его участников.

Соперничество туарегов и вооруженных группировок исламистов и террористов за обширную территорию Северного Мали, их взаимная борьба за власть и доходы от контрабанды дестабилизировали обстановку в регионе, привели к процветанию там терроризма, преступности, незаконной миграции, торговле мигрантами, оружием (*возможно, и химическим*), сигаретами, бензином, подержанными автомобилями и т.п. Кроме того, участились случаи захвата в заложники европейцев из числа специалистов, работавших в странах региона по контрактам, и дипломатов (*за которых можно было получить хороший выкуп*), а также контрабанды наркотиков, путь которых лежал из Южной Америки на Атлантическое побережье; затем через территории Мавритании и Мали – в центральную часть Северо-Западной Африки; далее через Алжир и Ливию на средиземноморское побережье континента, а оттуда – в Европу.

Этот опасный, но чрезвычайно выгодный с экономической точки зрения вид деятельности привлекал в ряды вооруженных формирований исламистов-фундаменталистов многих местных жителей, преимущественно молодых людей (*в основном мавров и туарегов*), возможностью в случае удачи заработать средства для того, чтобы накормить голодающих членов своих семей.

Представители международных организаций, занимавшиеся вопросами освобождения оккупированной территории Мали, уничтожения террористических организаций и криминальных структур, восстановления государственной власти в стране, с большим беспокойством воспринимали ситуацию, сложившуюся в районе Северо-Западной Африки, поскольку опасались возможности развязывания исламистами-фундаменталистами боевых действий в регионе с целью силового захвата всей его территории, создания в ней террористического государства, могущего служить отрядам «Аль-

Каиды» тыловой базой и являющегося оплотом мирового халифата, создание которого являлось конечной целью «Аль-Каиды».

Наибольшую опасность для себя мавританское руководство усматривало в деятельности трансграничной террористической организации «Аль-Каида в исламском Магрибе», уже приведшей к превращению центрального района Северо-Западной Африки *«в пороховую бочку, готовую взорваться в любой момент»*. Поскольку там, по словам министра иностранных дел ИРМ Х. ульд Хамади, *«действуют криминальные банды, занимающиеся наркобизнесом и контрабандой, а также террористические сети, и вся зона Сахеля оказалась ослабленной как в социально-экономической сфере, так и в плане безопасности»* [цит. по: 38].

Опасения руководства ИРМ были небезосновательными, поскольку лидер АКИМ Абу Мусаб Абд эль-Вадуд еще в 2007–2008 гг. неоднократно призывал своих сторонников из числа радикальных исламистов, действовавших в регионе, воспользоваться неустойчивой обстановкой в Мавритании и начать священную войну с целью превращения её в исламский халифат [здесь и далее: 40]. Основанием для этого А.М.А. эль-Вадуду служило убеждение в том, что представители военной хунты страны являлись союзниками США и действовали *«по указке Америки, Франции и Израиля»*. Стало быть, полагал он, они являлись олицетворением *«изменнических режимов, правящих исламским Магрибом»*.

Неудивительно поэтому, что придя к власти (6 августа 2008 г.), М. ульд Абдель Азиз выказал намерение жестко пресекать деятельность исламистов. Тем более что Мавритания неоднократно подвергалась нападениям боевиков АКИМ. На территории страны было обнаружено и ликвидировано множество лагерей, баз, так называемых *«спящих ячеек»* террористических группировок, действовавших в регионе, и предотвращено несколько готовившихся ими терактов. Руководство страны проявляло серьезное беспокойство неконтролируемым распространением оружия в регионе и

попаданием его в руки боевиков АКИМ и других террористических группировок. Заявив, что впредь любому нападению на ИРМ будет дан жесткий отпор, с целью предотвращения возможных подобных нападений в будущем, руководство страны развернуло вдоль границы с Мали дополнительные силы мавританских вооруженных сил [см. 38].

В начале марта 2013 г. руководство ИРМ проявило готовность участвовать в международной операции в Мали в рамках миротворческой Миссии ООН. Однако с оговоркой: «*как только это станет возможно*» [см.38]. Для чего решено было предварительно обсудить этот вопрос с представителями общественности и получить согласие на участие в боевых действиях в соседней стране «*всех мавританцев*», поскольку, как было заявлено, главным для Мавритании являлась не война в Мали, а защита собственной территории [здесь и далее см. 41].

Необходимость такой защиты очевидна, поскольку страна остро нуждалась в действенных институтах власти, способных противостоять таким угрозам национального и регионального характера, как терроризм, нелегальная миграция, борьба с незаконным оборотом наркотиков. Главным же для достижения подлинной демократии в Мавритании являлось эффективное государственное управление. Поскольку в условиях обострения этно-расовых, общественно-политических и социально-экономических противоречий активизировались исламистские организации в самой Мавритании. Наиболее влиятельной среди них была партия «Ат-Тавассуль» («*Посредничество*»). Она активно действовала, используя успехи «*арабской весны*» в странах Северной Африки (*особенно приход к власти «Братьев-мусульман» в Египте*) применительно к событиям в Магрибе. Убеждая мавританский народ в неспособности властей осуществить необходимые реформы, она призывала его бороться за перемены в Мавритании, являющейся наименее развитой страной в арабском мире, где половина более чем 3-миллионного населения живет за чертой бедности [см. 42].

Демонстрации с требованиями отставки президента М. ульд Абдель Азиза начались в 2011 г. и проходили под лозунгом *«Народ хочет падения режима»* [здесь и далее: 43]. В г. Вассала, расположенном на юго-востоке страны, местные жители, протестовавшие против нехватки воды и роста цен на основные товары, учинили погром в здании местной мэрии и окружили некоторые другие государственные учреждения. Поскольку правоохранительные органы жестко обращались с манифестантами и произвели среди них аресты, представители сил оппозиции предостерегли президента *«от использования силовых методов реагирования на народные протесты, которые приведут только к ухудшению ситуации»*, и потребовали от властей освобождения задержанных манифестантов.

В Нуакшоте прошла мирная демонстрация с требованием повышения уровня жизни и более эффективной борьбы с безработицей. В ней участвовало от тысячи до полутора тысяч человек, в основном молодежь. Ряд профсоюзов провел мирный марш, участники которого призвали власти *«повысить зарплату и улучшить социальную защиту граждан»*. Они порекомендовали правительству *«вовремя откликнуться на пожелания народа и извлечь уроки из случившегося в Тунисе и Египте»* (намекая на трагические последствия так называемых *«революций арабской весны»* в этих странах), *«чтобы в будущем не подвергать обстановку в стране опасности»*.

В июне 2013 г. активисты «Ат-Тавассуль» организовали в Нуакшоте массовую демонстрацию, в которой с требованием отставки правящего режима участвовали тысячи мавританцев. В свою очередь руководство партии потребовало от властей отставки правительства, угрожая в случае отказа осуществить на практике это требование путем организации всенародного восстания.

В оппозиции правящему режиму находились и другие политические партии, требовавшие отставки главы государства и проведения в стране широких демократических реформ. Среди них было коалиционное объединение, или аль-

янс «Координация демократической оппозиции» (КДО, создана в 2011 г.) в составе 12 политических партий [см. 44; 45]. В мае 2012 г. лидеры КДО провели в Нуакшоте сидячую акцию протеста, сопровождая требование отставки главы государства выкриками: «Абдель Азиз, хватит. Уходи!» [здесь и далее: 43].

Они обвинили президента в «*установлении в стране обстановки деспотизма и разрухи*». Считая, что М. ульд Абдель Азиз «*утратил легитимность, отказавшись выполнять ранее взятые на себя обязательства по диалогу*» с политическими силами страны, представитель КДО Мустафа ульд Бадреддин обвинил его в том, что он «*избрал путь деспотизма и безраздельного властвования*». В этих условиях, продолжал он, «*единственное, что нам остается, – это добиться его ухода мирными средствами*».

В целом утвердив «*интенсивный план практического осуществления протестов и народной борьбы за свержение президента Мавритании М. ульд Абдель Азиза и установление того, что они назвали справедливой демократической системой*», лидеры оппозиционных партий и движений пообещали «*продолжить мирное сопротивление*» и сделать свои антипрезидентские митинги регулярными.

Осознав тупик, в котором оказалось руководство страны, глава государства (*впервые после июльских 2009 года президентских выборов*) решил провести (*октябрь 2013 г.*) парламентские и муниципальные выборы с целью укрепить свое влияние победой на выборах в Национальную ассамблею. Представители 10 из 11 партий, вошедших в состав КДО, сразу же выразили недоверие главе государства и намерение бойкотировать эти выборы, если М. ульд Абдель Азиз не уйдет с занимаемого поста [см. 46]. Назвав готовившуюся избирательную кампанию «*маскарадом*» с целью фальсификации итогов голосования в пользу правящей партии президента, они заявили, что «*не пожалеют усилий ради провала выборов, решение о проведении которых было принято в одностороннем порядке*» [47]. Поясняя причину бойкота отсутствием демократических и справедливых усло-

вий, позволяющих всем партиям и избирателям участвовать в выборах, которые должны быть прозрачными, справедливыми и заслуживающими доверия [см. 48; 49], лидер КДО Ахмед ульд Дадда указал: *«Оппозиция предпримет усилия, чтобы способствовать провалу выборов»*, которые, по его мнению, будут нелегитимными [здесь и далее: 44].

Такая реакция свидетельствовала о неготовности представителей оппозиции преодолеть комплекс недоверия властям, пойти навстречу им и в общем желании, путем объединения всех здоровых сил нации, направить совместные усилия на решение острых общественно-политических и социально-экономических проблем, нормализацию обстановки в стране с целью вывода ее из многолетнего кризиса.

Лидеры партии «Ат-Тавассуль», напротив, поддержали инициативу президента и призвали мавританцев не поддаваться призывам бойкотировать выборы, а напротив, принять массовое участие в голосовании. Сами же они выразили намерение участвовать в выборах, чтобы *«получить возможность создания политической альтернативы власти через избирательный процесс»*. Это и понятно: ведь исламисты с 2011 года пытались использовать успехи единоверцев в арабских странах и влияние *«арабской весны»* на развитие событий в Магрибе для того, чтобы вывести свою партию на первое место среди оппозиционных сил страны, взять под контроль ситуацию в Мавритании и оказаться у власти [см. 43]. Участие в выборах давало им шанс добиться этой цели, хотя официально было заявлено, что путем участия в выборах партия борется с диктатурой [см. 50].

Учтя позицию представителей общественности, глава государства предпринял попытку договориться с ними и с этой целью предложил перенести выборы на более поздний срок (*ноябрь/декабрь 2013 г.*), чтобы *«оппозиция не осталась в стороне от избрания органов государственной власти»*. Более того, он даже изъявил готовность установить контакты с представителями оппозиции и на время выборов создать наблюдательную комиссию [см. 47]. Несмотря на усилия, предпринятые властями, они не увенчались успехом.

Первый тур выборов депутатов в 147-местную Национальную ассамблею (*нижнюю палату парламента*) и членов администрации 218 муниципальных советов был назначен (*впервые с 2006 года*) на 23 ноября, второй тур – на 7 декабря 2013 г. Женщины, которые должны были занять в парламенте не менее 20 депутатских мест, шли на выборы отдельным списком. Срок полномочий депутатов был определен в 5 лет. Право голоса имели 1,2 миллиона человек (*около трети всего населения страны*). Следить за ходом голосования были призваны международные наблюдатели от Африканского союза, Экономического сообщества стран Западной Африки и Лиги арабских государств.

На вакантные места в Национальной ассамблее и городских советах претендовало 1,5 тысячи кандидатов от 74 партий [49; 51]. По предварительным данным государственного телеканала TVM, переданным вечером 23 ноября, в первом туре голосования участвовало около 60% избирателей [52; 53, 54], что могло свидетельствовать о недоверии значительной части населения властям. По оценке канала, относительно невысокая явка стала «*пощечиной*» оппозиции, призывавшей бойкотировать выборы [см. 53]. Согласно сообщению Агентства «Франс Пресс», уже в 7 часов утра, когда началось голосование, перед избирательными участками в Нуакшоте образовались очереди [см. 55].

Однако нарекания избирателей вызвала работа членов Независимой национальной избирательной комиссии (*ННИК*), обещавших огласить итоги голосования 24 ноября, но затянувших подсчет голосов. Вследствие этого уже 25 ноября состоялись акции протеста, разогнанные полицией. Для предотвращения их в дальнейшем силы безопасности направили в ряд провинций страны подкрепления для усиления охраны районных избирательных комиссий.

Наблюдавшие за ходом голосования представители участвовавшей в выборах партии «Ат-Тавассуль» заявили о фальсификации членами Избиркома итогов голосования с целью обеспечить победу возглавляемой президентом партии Союз за республику [здесь и далее см. 52, 53]. По сло-

вам лидера партии Мухаммеда Джамиля Мансура, они фиксировали *«тотальные грубые нарушения при подсчете голосов»*, в частности, отказы предъявить итоговые протоколы голосования, игнорирование фактов неопечатанности урн для голосования и случаев продолжения голосования по завершении подсчета голосов.

Согласно официальным данным Избиркома, озвученным им 3 декабря 2013 г., явка избирателей в первом туре голосования составила 75% [56] – рекордный показатель для страны. Убедительную победу на выборах в Национальную ассамблею и муниципальные советы одержала правящая пропрезидентская партия Союз за республику.

В целом по итогам голосования в первом и втором турах правящая коалиция, представленная СЗР и ее политическими союзниками, обеспечила себе в парламенте соответственно 74 и 34 депутатских места [здесь и далее: 45; 57], в сумме 108, то есть подавляющее большинство. На муниципальных выборах в 154 из 218 коммун с большим отрывом победил СЗР.

Второе место заняла единственная из 12 участниц альянса КДО оппозиционная партия *«Ат-Тавассуль» (16 мест в Национальной ассамблее)*. И это неудивительно. Ведь фактически подавляющему большинству избирателей более или менее известны были лишь две победившие партии из 74, представленных на выборах. Остальные 23 депутатских кресла достались другим немногочисленным оппозиционным партиям.

Президент Мухаммед ульд Абдель Азиз счел состоявшиеся выборы *«победой демократии в Мавритании»* [49; 53]. Однако выразил сожаление по поводу бойкота их радикальными оппозиционными партиями, которые, по его словам, *«к несчастью, лишили себя возможности оказаться в Национальной ассамблее и участвовать в политических дебатах в рамках её работы»* [49]. С чем нельзя было не согласиться.

В свою очередь, исламисты, несмотря на сомнения в том, что прошедшие выборы позволят разрешить противо-

речия между властью и оппозицией, призвали «в срочном порядке организовать диалог» для урегулирования кризиса [45]. Такой выход из положения в любом случае представлялся разумным. Особенно при виде развития ситуации в соседних странах Магриба, прошедших через все ужасы «арабской весны» 2011–2013 гг.

Ставший президентом по итогам выборов (июль 2009 г.), Мухаммед ульд Абдель Азиз сначала занимал жесткую позицию в отношении радикальных исламистов-фундаменталистов и террористов. Позднее, осознав, видимо, что цель радикалов – раскол общества по религиозному признаку, пошел по пути объединения нации. Многие мавританцы отнеслись к такой деятельности президента скептически, особенно женщины. «Мужчины и женщины в Мавритании всегда жили в мире. Ислам, связывающий нам руки, пугает нас» [58], – говорили они. И с тревогой воспринимали рост численности радикальных исламистов, чрезвычайно строго интерпретировавших ислам и иногда отвергавших государство и власть [см. 58].

Представлялось, однако, что М. ульд Абдель Азиз мало, чем рисковал. Ведь население Мавритании, хотя и мусульманское в подавляющем своем большинстве, однако умеренно религиозное. Законы шариата хотя и действуют на всей территории страны, однако исламское правосудие в его крайнем проявлении не применяется. Женщины ходят с открытыми лицами, в длинных до пола платьях и покрытой головой, но не в силу своей ортодоксальной приверженности радикальному исламу, а по причине суровых природно-климатических условий Мавритании, где традиционны песчаные бури. Мавританки получают высшее образование; водят автомобили, опуская стекла и слушая громкую музыку. Они представлены в парламенте и правительстве. Именно поэтому на нынешнем этапе президент допустил возможность легального существования (запрещенной до 2007 г.) главной (среди трех оппозиционных) умеренной исламистской партии «Ат-Тавассуль», хотя она и является сторонницей шариата и отказа от всего, что его нарушает.

Деятельность руководства «Ат-Тавассуль» принесла несомненный успех партии, которая одно время была даже представлена в правительстве; а позднее – в обеих палатах парламента [см. 28]. Лидер партии Мухаммед Джамиль Мансур – довольно известная личность в Мавритании и арабском мире. Председатель Комитета иностранных дел в Палате представителей. Имеет свои сайты в Интернете. Регулярно выступает на телеканале «Аль-Джазира».

Если бы после парламентских и муниципальных выборов ноября/декабря 2013 г. руководство страны и представители сил оппозиции вплотную занялись практическим решением общественно-политических и социально-экономических проблем Мавритании, то это несомненно пошло бы ей на пользу.

Марокко – фактор мира и спокойствия в регионе

Народные волнения, охватившие в 2010–2011 гг. последовательно Тунис, Алжир, Египет, затем Ливию и ряд стран Ближнего Востока, затронули и Марокко. Тем более что основания для этого были, как, впрочем, в любой другой стране любого региона. Так, 15% населения находилось за чертой бедности. Грамотность (52%) считалась самой низкой в Магрибе. Четверть молодых людей, выпускников высших учебных заведений являлись безработными [59].

20 февраля 2011 г. в Марокко начались массовые народные выступления и демократические акции протеста с требованиями ограничения абсолютной власти монарха, установления контроля за деятельностью средств массовой информации, принятия действенных мер по улучшению социально-экономического положения трудящихся.

Митинги и демонстрации прошли в ряде крупных городов, прежде всего Рабате. Однако не вылились в мощные антиправительственные демонстрации, поскольку король Мухаммед VI заблаговременно принял ряд превентивных мер с целью не допустить развития событий, сопоставимых с «*арабской весной*» в соседних странах Магриба.

В обращении к нации 9 марта 2011 г. он выступил с инициативой пересмотра предыдущей (*действовавшей последние 15 лет*) Конституции путем внесения в нее изменений. Назначил комиссию для выработки рекомендаций по конституционным изменениям. Обещал вынести на референдум любой подготовленный с этой целью план. Принял ряд конкретных мер (*апрель–май*) по демократизации общественно-политической жизни в стране. Например, помиловал несколько известных политзаключенных, предоставил определенную свободу средствам массовой информации, в резуль-

тате чего журналисты стали больше писать, а газеты гораздо свободнее публиковать. В открытом эфире стали выступать общеизвестные оппозиционеры. В мае был выведен из ближайшего окружения короля Фуад Али аль-Химма – друг Мухаммеда VI, считавшийся в обществе главным коррупционером страны [см. 59; 60].

Тем не менее пессимисты и скептики выражали сомнения в реализации заявленных намерений, недооценивая, в частности, факт сохранявшейся с июля 1999 года, (когда Мухаммед VI вступил на престол) популярности монарха в обществе и в целом доверия широких масс населения правящей династии Алауитов. Многие марокканцы, особенно женщины, искренне любят своего монарха, которого считают и называют «*королем бедных*». Они не хотят свергать его. Они хотят лишь справедливости. Сочувствуют Мухаммеду VI. Понимают, как непросто ему нести «*тяжелую шапку Мономаха*», как трудно решать проблемы государственной важности, опираясь на опыт троих его «*плохих советников*» [подробнее см. 59; 60; 61].

Для осуществления задуманного в июне Мухаммед VI представил общественности проект «*глобальной конституционной реформы*», предусматривавшей «*консолидацию основ конституционной, демократической, парламентской и социальной монархии*» [62, с.12-13].

2 июля 2011 г. проект новой конституции был вынесен на всеобщий референдум. В нем приняли участие 73,46% избирателей [здесь и далее см. 59; 63, с.22; 64], причем 98,94% голосовавших марокканцев одобрили проект новой конституции. Отныне речь шла об осуществлении реформы в политической, социально-экономической, культурной областях, продолжении укрепления судебной реформы и защиты прав человека во всех сферах жизнедеятельности государства.

Конкретно предусматривалось назначить главой исполнительной власти председателя правительства, полностью ответственного за все свои действия. Признать (*наряду с арабским*) вторым государственным берберский язык – родной почти для 40% населения [8]. Расширить полномочия

парламента и правительства, права регионов. Обеспечить независимость судебной системы, гарантировать основные права и свободы граждан.

За монархом сохранялись права роспуска парламента, объявления чрезвычайного положения, обладания решающим словом при назначении ключевых членов правительства, послов, руководителей армии и служб безопасности, вынесения мнения по директивам, касавшимся народного хозяйства страны и учебных программ. Король оставался главнокомандующим вооруженными силами. Конституция впервые закрепила «свободу вероисповедания» в Марокко, а монарх впервые официально был провозглашен «*высшим религиозным авторитетом*» страны.

В соответствии с новой Конституцией на 25 ноября 2011 г. были назначены досрочные (*вместо осени 2012 г.*) парламентские выборы для того, чтобы партии, получившие наибольшее количество депутатских мест, могли сформировать новое правительство [см. 60; 61; 65]. В преддверии выборов (*октябрь 2011 г.*) были упразднены так называемые «*удостоверения избирателей*». Отныне избиратели могли голосовать по удостоверениям личности. Симптоматично, что на время предвыборной кампании король уехал в отпуск во Францию.

Участвовать в выборах намеревалось около 30 действовавших в стране политических партий. Ряд партий сходной политической ориентации сформировал 3 блока: 1) «Коалиция за демократизацию», состоявшая из 8 партий левой, либеральной и центристской ориентации; 2) «Кутля» (*коалиция*) в составе старейшей консервативной националистической партии «Истикляль» («*Независимость*») и двух умеренных левых партий - Социалистического союза народных сил (ССНС) и Партии прогресса и социализма (ППС); 3) Партия справедливости и развития (ПСР, *во главе с Абделлилахом Бенкираном*) – умеренно-исламистская. Ранее она входила в состав «Кутли», но представители левых партий настояли на ее исключении из блока, в результате чего ПСР пришлось идти на выборы самостоятельно.

Явка избирателей составила 45,4% (*против 37% в 2007 г.*) [здесь и далее: 59; 63, с.24]. Среди партийных объединений наибольшее количество депутатских мест набрали «Коалиция за демократизацию (157) и «Кутля» (117). Среди партий «чистую победу» одержала Партия справедливости и развития (107 депутатских мест в 395-местной Палате представителей, или 40% общего их количества). Второе место заняла партия «Истикляль» (60 мест). Третье – Национальное объединение независимых (52 места). ССНС – 39, ППС – 18 и т.д. Около 10 партий получили по 1-2 места в нижней палате парламента. Всего же в парламент прошло 18 партий разной политико-идеологической направленности. Консерваторы в лице партии «Истикляль» и еще трех партий набрали 162 места. Левые (11 партий) – 69 мест.

По завершении избирательной кампании в соответствии с новой Конституцией король назначил премьер-министром главу победившей на парламентских выборах Партии справедливости и развития А.Бенкирана. В свою очередь парламентское большинство приступило к формированию правительства. Главными целями ПСР, согласно словам А.Бенкирана, являлись сохранение стабильности в Марокко и эффективное осуществление необходимых стране реформ. *«Мы всегда были в оппозиции и хотели перемен, и теперь у нас есть возможность претворить их в жизнь»* [здесь и далее: 63, с.25-26], – заявил он после назначения. И заверил соотечественников: правительство будет работать серьезно и рационально, и марокканцы скоро почувствуют, что государство стоит у них на службе, а не наоборот.

Для выполнения поставленных целей ПСР разработала Программу осуществления первоочередных задач. Это – решительная борьба с коррупцией и воровством; улучшение управления экономикой; привлечение инвестиций; диверсификация экспорта; увеличение роста ВВП (*до 7% ежегодно*); снижение бюджетного дефицита (*до 3%*), бедности (*на 50%*); сокращение безработицы (*до 7,2% от общей численности экономически активного населения*); создание 250 тысяч новых рабочих мест; увеличение доходов физических лиц

(в среднем на 40%); повышение ежемесячного минимального размера заработной платы (до 3 тыс. дирхамов) и пенсий (до 1,5 тыс. дирх.); снижение неграмотности (до 20% к 2015 г. и 10% – к 2020 г.) [63, с.26].

Столь грандиозные планы ПСР и обязательство премьер-министра, взятое им за их выполнение, впечатляют. Особенно в сравнении с намерениями исламистов некоторых соседних с Марокко арабских государств установить у себя законы ортодоксального шариата и требовать строжайшего исполнения их всеми жителями в качестве радикальной меры победы «революций арабской весны» 2011–2013 гг.

Правда, аналитики выразили серьезные сомнения в возможности осуществления ПСР столь амбициозной и «нереалистичной», по их мнению [63, с.27], Программы в силу отсутствия у нее реальных шансов добиться этого, а у правительства – рычагов давления на исполнительные органы власти. Действительно, не может не возникнуть законный вопрос: как бы развивались события в Марокко, если бы король предоставил народу право контролировать армию? Парламенту, депутатов которого марокканцы обвиняют в коррупции и взяточничестве, – возможность издавать законы? Премьер-министру – право формировать правительство из «своих» людей? Или если бы он передал бразды правления кому-то третьему? И что, стало бы лучше? В стране стало бы больше демократии? [см. 64].

Итоги голосования показали, что за умеренно-исламистскую Партию справедливости и развития проголосовала значительная часть марокканского общества (*представители нуждающейся части общества и образованного среднего класса крупных городов страны*). Именно поэтому ПСР существенно опередила все другие партии, являвшиеся ее конкурентками на выборах, чему способствовали подготовка руководством ПСР хорошо продуманной предвыборной программы, отвечавшей интересам большинства населения, а также организованность и дисциплинированность сторонников этой партии. Её лидеры сумели извлечь пользу из роста общественной активности и протестных настроений в стране.

Но главное, пожалуй, – это то, что они смогли использовать в интересах партии влияние событий «*арабской весны*» в регионе на общественно-политическую жизнь Марокко и во многом нейтральную политику властей, не препятствовавших населению проявить свободное волеизъявление.

Прошедшие выборы доказали возможность честного проведения голосования и честного подсчета голосов, что было подтверждено местными средствами массовой информации и международными наблюдателями. Благодаря всему этому завершившаяся избирательная кампания выдвинула Марокко на передний план среди магрибинских государств как образец умелого проведения руководством страны важнейшего мероприятия, предопределившего дальнейшее её успешное развитие.

Победа оппозиционной, хотя и умеренной, но исламистской партии – само по себе исключительное событие в любой стране, но чтобы такое произошло в арабской стране, пусть даже в период, когда район Северо-Западной Африки был охвачен оlnении, порожденными «*арабской весной*»! Когда новая политическая сила, представленная «Коалицией за демократизацию» – выразившей интересы образованной светской молодежи, исламистов и активистов левых движений, быстро приобрела сотни тысяч сторонников по всей стране, устраивала митинги, демонстрации и марши протеста в крупных городах Марокко, требовала «*реальной демократизации*», призывала население к бойкоту предстоявших референдума и парламентских выборов, к свержению монархии и/или учреждению конституционной монархии, а то и созданию в Марокко исламского государства, основываного на догмах ортодоксального шариата! Согласитесь, это – «*круто*»!

Надо, безусловно, воздать должное лично королю Марокко Мухаммеду VI, который сумел избежать «*революционного*» катаклизма, поразившего практически все государства Магриба, за исключением, возможно, лишь Мавритании, хотя не исключено, что временно. Сумел уберечь страну от последствий «*арабской весны*», не прибегнув к насильствен-

ным мерам воздействия на взбунтовавшиеся народные массы. Оправдался расчет монарха на возможность изыскания третьего, «компромиссного» пути урегулирования конфликта – сохранить власть и удовлетворить требования широких народных масс относительно обеспечения им достойных условий жизни, понизив тем самым накал страстей во внутривнутриполитической жизни страны.

Марокканцы ценят деятельность монарха по решению проблем развития королевство. Видят, как под его руководством оно становится все более свободным государством. Возможно, изменения в лучшую сторону происходят медленнее, чем того хотелось бы, однако жизнь населения не ухудшается. И даже если этот процесс иной раз по объективным причинам замедляется, то вскоре поступательное движение возобновляется.

В последние годы вопросы, касающиеся повседневной жизни марокканцев, их будущего, будущего их детей и страны в целом, активно обсуждаются ими на встречах, которые проводятся почти ежедневно в разных городах в определенных, специально отведенных для этого местах. Люди приходят туда семьями, с детьми, в том числе малолетними. Свободно высказывают свои мысли и соображения, выражают собственное мнение, обмениваются впечатлениями. Не опасаются полицейских, которые наблюдают лишь за соблюдением общественного порядка, но отнюдь не следят за участниками этих встреч, демонстрирующими те или иные взгляды.

Все это убеждает в том, что Марокко выглядит уникально, являя собой фактор мира и спокойствия в регионе. Особенно в сравнении с другими арабскими государствами. Не случайно даже Государственный департамент США поставил королевство в пример другим арабским режимам как «*модель реформ и демократизации*» [59].

Сегодня, как мы видим, что этой «*модели реформ и демократизации*» последовал Тунис. Однако на два с лишним года позднее, когда там была принята (26 января 2014 г.) новая конституция и создано новое правительство профессио-

налов. Что произошло на основе решений, совместно принятых исламистами и демократами по результатам 2,5-летней работы, итогом которой стал диалог и достижение представителями двух враждовавших направлений консенсуса в определении характера будущего общественно-политического устройства тунисского государства и перспектив его социально-экономического развития.

* * *

Итак, перед нами прошла современная история пяти стран Магриба. В каждой из них существовал собственный государственный строй, собственное общественно-политическое устройство. Все они прошли через катаклизм *«арабских революций»*, горнило *«арабской весны»*. Народно-демократический Алжир, республиканский Тунис, военный режим Мавритании, марокканская монархия. Наихудшие последствия постигли ливийскую Джамахирию – государство, управлявшееся народными комитетами и народными конгрессами, что русским историком Н.И.Костомаровым определялось понятием *«народоправство»*.

Легче всего *«арабскую весну»* пережило Марокко. Потому что Алаутитская монархия ведет происхождение от внука пророка Мухаммеда, иными словами, завещана от Бога и передается по наследству. Монарх, называемый будь то императором, царем, султаном или королем, обладает неограниченной властью в *«своем»* государстве. Он как отец семейства, *«царь-батюшка»* (по-русски) или *«батька»* (по-белорусски) для всех чад и домочадцев. Рачительный хозяин в доме. Радеет об интересах всех и каждого. Наделяет всех обязанностями и строго спрашивает за их исполнение. Следит за тем, чтобы в доме был порядок, чтобы граждане вели себя достойно. В то же время обеспечивает своим подданным благополучное во всех отношениях существование. Придя к власти, хороший монарх получил в наследство крепкое государство и не оставит разрушенное и разоренное государство своему законному преемнику.

А что мы видим в соседних странах? Где к власти рвутся те, у кого нет ни чести, ни совести. Жулики и воры. В отличие от монарха, который не будет грабить самого себя. У них – одна цель: любой ценой и любыми средствами «загрести» как можно больше денег и в полной мере воспользоваться всеми благами, льготами и привилегиями, сопутствующими кормилу власти. Всем продемонстрировать свою «крутизну». На народ им наплевать. Судьба страны их не волнует. Они – временщики. Отсюда и последствия: одних властителей сменяют другие, других – третьи, и конца этой вакханалии не видно.

Место и роль стран Запада в событиях «арабской весны»

В этой связи представляется нелишним затронуть вопрос о месте и роли западноевропейских государств и США применительно к событиям «*арабской весны*» в районе Магриба. С каждой из стран региона у Запада сложились и существовали особые отношения, определявшие степень значимости для него каждой из них. В конце 2010 г., когда в Тунисе возник прецедент, ставший для местных исламистов поводом для начала открытого противоборства со сторонниками «*светского*», демократического развития страны, западноевропейцы и американцы, по большому счету, не знали, что такое, собственно, этот ислаимзм. Тем более, радикальный ислаимзм, исламский экстремизм, исламский фундаментализм. Что такое ортодоксальный шариат? Кто такие салафиты? [см. 66, с.4].

Они не игнорировали эти крайние проявления и даже извращения догм исламской религии. Они их просто не воспринимали. Ведь они были знакомы с представителями исламистской элиты – выпускниками Сорбонны и Кембриджа. Эти исламисты долгое время жили на Западе. Знали иностранные языки. Владели ораторским искусством. Могли манипулировать многотысячной толпой. Влиять на умы людей разных возрастов [см. 67]. Ничто не свидетельствовало о том, что если возникнет необходимость подтвердить свою состоятельность в качестве радикальных исламистов, исламистов-фундаменталистов, экстремистов, террористов, они способны совершать уголовные преступления.

Оценивая характер событий, порожденных «*арабской весной*» в районе Магриба, на Западе руководствовались давно уже набившей оскомину жителям планеты привычкой

определять причину любого внутривнутриполитического конфликта в той или иной стране исключительно противостоянием внутренних сил в борьбе за пресловутые «демократию», «демократизацию», «демократические ценности» образца единственной в мире «исключительной» нации. Увидев на деле в Тунисе и Алжире [см. 66, с.4] проявления этого исламизма, сопряженные с насилием, подавлением силой оружия попыток протеста, массовыми убийствами десятков и сотен не только военных, но и мирных жителей. Когда гибли или подвергались смертельной опасности главы государств и члены их семей, вынужденные бежать в другие страны в поисках мест спасения. Когда противостояние выходило за рамки противостояния и превращалось в гражданскую войну, на Западе не без труда осознали, что такое противостояние как-то не очень согласуется с принципами активно навязывавшейся ими всем странам мира их «демократии» по-американски и по-европейски.

Однако довольно быстро сориентировались и поняли, что приход к власти в странах Магриба исламистов можно отлично использовать в своих корыстных целях. Так, раньше им приходилось решать вопрос о приобретении углеводородов, например, в Ливии с непримиримым М.Каддафи. Теперь же, когда благодаря «гуманитарной помощи» США и НАТО эта страна расколота, разорена, разграблена, когда в ней господствуют хаос и дестабилизация обстановки в условиях раскола гражданского общества, – самое время диктовать свои условия пришедшим к власти исламистам. «*Им – шаритат, Нам – нефть*» [66, с.2]. Таков отныне девиз политики США в отношении арабских государств.

В этих условиях приходится только порадоваться за Марокко, у которого нет ни нефти, ни газа (*по крайней мере, факт возможного наличия их официальным Рабатом не афишируется*).

Поиски путей преодоления кризиса

Изучение феномена так называемых «революционных» событий, порожденных «*арабской весной*» 2011–2013 гг., на примере государств Магриба показывает, что их причиной стала нерешенность властями за долгие годы независимости острых социально-экономических проблем (*прежде всего повышения низкого уровня жизни большинства населения и резкого сокращения безработицы, охватывавшей значительную часть молодежи*). Существенно осложнилось положение стран региона вследствие мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. Если до него темпы экономического роста в них составляли 4-5%, то после него они снизились до 2,5-3% [68].

Серьезной проблемой для этих стран являлось то, что иностранные инвесторы вкладывали средства в развитие государственного сектора их национальной экономики, препятствуя тем самым развитию среднего и малого частного предпринимательства, представители которого к тому же сталкивались с массовыми фактами коррупции и вымогательства со стороны чиновников.

Общие потери магрибинских государств, понесенные ими вследствие «*революций арабской весны*», составили в среднем (по разным оценкам) \$ 100 млрд [68; 69]. Для возвращения к докризисному (2010 года) уровню развития им были необходимы стабилизация внутривнутриполитической обстановки и возрождение экономики, что требовало от их руководителей неимоверных усилий и значительного периода времени. Пока же эти усилия были сосредоточены преимущественно на распределении постов в высших органах власти, в которые они вошли по итогам парламентских выборов, вместо того, чтобы как можно скорее заняться решением на-

сущных проблем развития своих стран в интересах широких народных масс, с нетерпением ожидающих этого. Не понимая, что от степени оперативности и эффективности их деятельности зависят не только будущее стран Магриба, но и их собственная судьба. Поскольку в случае бездействия не исключено повторение «*арабской весны*», сулящее еще бóльшие неприятности.

Чрезвычайно важной проблемой Алжира, Ливии, Мавритании Марокко и Туниса, требующей максимально быстрого решения, является также безработица. Особенно среди молодежи, поскольку движущей силой «*арабских революций*» стала не просто молодежь, а безработная молодежь, лишенная возможности найти себе применение на родине и/или за ее пределами. В странах региона, охваченных «*арабской весной*», безработица составляла в среднем 23%, но в Ливии достигала 25-30%, а Тунисе – 30% [68].

В поисках спасения от нищеты, бесправия, невозможности найти работу, произвола местных властей и безысходности, порожденных ими, молодые люди вынуждены бежать с родины и за неимением лучшего вступать в отряды боевиков вооруженных группировок радикальных исламистов-фундаменталистов и экстремистов террористической организации «Аль-Каида в исламском Магрибе». Целью которой является создание исламского государства от Марокко до Ливии (*на севере*) и от Алжира до Сенегала и Нигера (*на юге*) через территории Мали и Мавритании путем развязывания военных действий и ведения священной войны («*джихада*») во всем регионе против находящихся там или приезжающих туда европейцев [70].

К тому же в последнее время АКИМ обустроилась в ливийской провинции Феццан (*на юго-западе страны*), где, воспользовавшись хаосом и отсутствием контроля над ситуацией со стороны местных властей, организовала шести лагерей для подготовки боевиков. Это свидетельствует об уверенности лидеров организации в укреплении её рядов и расширении деятельности во всей Северо-Западной Африке.

При виде такого развития событий перед нынешними руководителями стран Магриба со всей очевидностью встал вопрос о необходимости объединения усилий и возможностей на случай противодействия вооруженным отрядам радикальных исламистов-фундаменталистов, экстремистов и террористов всех мастей. Что представлялось достаточно сложным, учитывая противоречия, сохранявшиеся между ними с конца 1980-х гг. (*когда был создан Союз Арабского Магриба*) и с 1994 года (*когда деятельность САМ была фактически «заморожена»*).

Символично, что инициатором возрождения Союза Арабского Магриба и проведения в феврале 2012 г. в Рабате встречи министров иностранных дел САМ стало Марокко. Основными вопросами, которые обсуждались на этой встрече, были борьба с терроризмом и ускорение интеграционных процессов в сферах экономики, представлявших взаимный интерес, в частности путем создания зоны свободной торговли. Особое внимание на встрече было уделено вопросам, касавшимся будущего молодежи стран региона, а также достижения безопасности и стабильности во всем районе Магриба.

И все же главное внимание было уделено вопросу, касавшемуся достижения экономической интеграции Алжира, Ливии, Мавритании, Марокко и Туниса. Министр иностранных дел и сотрудничества Марокко Саад ад-Дин аль-Османи назвал этот вопрос *«стратегической необходимостью, продиктованной растущими запросами народов региона по укреплению братских связей, а также общностью истории, цивилизации и судеб»* [здесь и далее: 70, с.61].

Президент АНДР А.Бутефлика в послании участникам встречи признал: *«Достижение единства в Арабском Магрибе стало жизненно важной необходимостью»*, поскольку оно *«позволило бы народам региона совместно противостоять разным вызовам»*. Для достижения этой цели, подчеркнул глава государства, *«нам нужно работать, опираясь на реалистичный и прогрессивный подход, учитывающий интересы наших стран и устремления наших народов»*.

Сейчас, – продолжал он, – *благоприятный момент для того, чтобы вспомнить о строительстве Арабского Магриба, объединенного экономической взаимодополняемостью и основанного на общей политике в разных областях*». А.Бутефлика заверил участников встречи в том, что *«Алжир внесет свой вклад в коллективные усилия, прилагаемые в интересах наших братских стран»*.

Конкретными результатами встречи министров иностранных дел Алжира, Ливии, Мавритании, Марокко и Туниса стали проект создания Магрибинского банка и выработка стратегии по решению проблем молодежи, в частности, в сфере образования.

Кроме того, в феврале 2012 года в Риме в формате *«пять плюс пять»* состоялась IX Конференция *«Диалог стран Средиземноморья»* с участием министров и/или заместителей министров иностранных дел Испании, Италии, Мальты, Португалии, Франции, с одной стороны; Алжира, Ливии, Мавритании, Марокко и Туниса, – с другой. Обсуждались вопросы, касающиеся необходимости сближения стран юга и севера Средиземноморского региона, укрепления их взаимного сотрудничества и оказания помощи в осуществлении проектов, предусматривающих развитие внешнеэкономических связей затронутых государств; необходимости борьбы с незаконной миграцией; региональной безопасности; энергетической стратегии; экологической безопасности и развития отношений стран региона в рамках проекта *«Наше море»*.

Особое внимание участники встречи уделили анализу феномена *«арабской весны»* в ряде стран Северной Африки. В частности, реально появившейся возможности установления странами Западной Европы диалога с новыми исламскими лидерами, пришедшими к власти в странах Магриба в результате событий 2011–2013 гг. Диалога, как было подчеркнуто, без культурных и политических предубеждений, *«на основе демократии и уважения прав человека»* [70, с.65]. Обсуждалась также выдвинутая ранее президентом Франции Н.Саркози идея создания *«Средиземноморского союза»*.

Вместе с тем важной проблемой взаимоотношений стран Магриба и западноевропейских государств (*от Испании до Германии и от Норвегии до Мальты*) [см. 71] являлось то, что в них сосредоточилось множество арабских эмигрантов, бежавших туда в поисках лучшей жизни и не нашедших себе применения там так же, как и на родине. Вопрос стоял о том, вернуть ли этих мигрантов в их родные страны, и если так, – то как это сделать? А если оставить всё так, как оно сложилось, то как облегчить их положение в западноевропейских государствах?

Итоги встреч представителей МИД Союза Арабского Магриба и Конференции «Диалог стран Средиземноморья» демонстрировали заинтересованность сторон во взаимном признании друг друга, желание установить взаимоотношения и в силу этого вселяли определенную надежду на постепенную нормализацию обстановки в районе Северо-Западной Африки и Средиземноморья.

На то же была направлена и активизация взаимоотношений Марокко с Российской Федерацией. В апреле 2012 г. сторонами была достигнута *«договоренность проводить регулярные консультации с целью обсуждения актуальных вопросов региональной и международной повестки дня»* [здесь и далее: 72, с.54]. Причем было оговорено, что *«в числе такого рода острых тем в ближайшее время будут политическая ситуация в Северной Африке, в частности, процесс выхода из кризиса в Ливии»*.

Позиция марокканского руководства объяснима: в январе 2012 г. Королевство заняло место непостоянного члена Совета Безопасности ООН и, отмечая растущую роль России в международной политике, естественно, проявило заинтересованность в обсуждении ключевых проблем современности с российским руководством.

Президент РФ Д.А.Медведев одобрительно воспринял инициативу главы марокканского государства. *«Отрадно, что Россия и Марокко координируют усилия на международной арене, в том числе в целях содействия восстановлению стабильности и безопасности в регионе* [здесь и

далее: 72, с.55-56], – указал он, в частности, в послании королю Мухаммеду VI. Поясняя суть позиции Российской Федерации в том, что касалось развития событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке, глава государства указал: *«С самого начала так называемой “арабской весны” мы поддержали стремление ближневосточных и североафриканских народов к социально-экономической модернизации без давления извне и на основе строгого соблюдения государственного суверенитета»*.

Определив путь решения проблем регионов, Д.А. Медведев подчеркнул: *«Исходим из безальтернативности мирного пути выхода из сложившегося кризиса и необходимости начала широкого национального диалога без предварительных условий»*.

Общность позиций руководителей стран Магриба, Средиземноморского района и Российской Федерации по проблемам урегулирования трагических последствий *«революций арабской весны»*, безусловно, отвечает интересам всех заинтересованных в этом стран, народов и мирового сообщества в целом и не может не вызывать полного их одобрения.

Литература

1. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C1%F3%EO%E7%E8%E7%E8%...>
2. <http://www.BFM.ru/news/244907?doctype=news>
3. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Аль-Каида>
4. http://ru.wikipedia.org/wiki/Аль-Каида_в_странах_исламского_Магриба
5. Компас, Информационное телеграфное агентство ИТАР-ТАСС. – М., 10.11. 2011, № 46, с.55-59
6. http://assange.rt.com/ru/marzouki_episode_3/full-translation-text/
7. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://www.iime...>
8. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?=inject&url=http://www.met...>
9. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://blog.i.ua/...>
10. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://shraibman...>
11. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://www.mir...>
12. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://mpst.org/...>
13. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://trueinform...>
14. Компас, 24.03. 2011, № 13, с.3-7
15. Компас, 7.04.2011, № 15, с.3-10
16. Компас, 14.04.2011, № 16, с.3-18
17. Компас, 10.05.2011, № 21, с.5-8
18. Компас, 2.06.2011, № 23, с.20
19. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://massmed...>
20. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://gold.ru/n...>
21. Компас, 7.11.2013, № 47, с.3
22. Бабкин С.Э., Миронова Е.И. Алжир: три года на грани гражданской войны. – М., 1995, 81 с.
23. <http://ivran.ru/publications/sci-works/174> (18 с) –
24. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://www.was...>
25. Компас, 26.04.2012, № 18
26. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://www.i-g-t...>
27. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://oko-plane...>
28. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://polpred...>
29. <http://top.rbc.ru/politics/22/02/2011/548357.shtml>
30. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://www.seg...>

31. Мавритания // Страны Африки. Политико-экономический справочник. – М., 1988, с.204-206/
32. Мавритания // Страны мира. Краткий политико-экономический справочник. – М., 1991, с.318-321.
33. http://slon.ru/world/gde_budut_revolyucii-559552.xhtml.
34. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://www.mob...>
35. <http://countrymeters.info/ru/Mauritania>
36. <http://www.geopolitica.ru/Articles/786>; <http://iimes.ru/?p=10255>
37. Les enjeux du conflit de l'Azawad / Compagnie Méditerranéenne d'Analyse et d'intrlligence Stratégique. – Rabat-Agdal, 2013, p.17.
38. <http://www.iimes.ru/?p=17172>
39. Пульс планеты, ИТАР-ТАСС. – М., 22.11.2012, серия ВА, л.15; <http://ntatv.ru/novosti-afriki/maliiskie-bezhentsy-ne-toropyatsiya-doi>; http://world.ib.ua/news/2013/01/18/186052_zhiteli_mali_massovo_pokidayut_rayon.html
40. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://rus.delfi/e...>
41. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?text=Последние события вокруг...>
42. <http://polpred.com/?cnt=94>
43. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://umma.ua/...>
44. Пульс планеты, 31.10.2013, л.13.
45. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://news.az...>
46. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://ru.wikipe...>
47. <http://news.mail.ru/politics//14451399/>
48. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://www.sr...>
49. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://ru.eurone...>
50. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://www.bbc...>
51. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://news.mail...>
52. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://www.rosb...>
53. <http://rusplt.ru/world/vibory-mavritanii.html>
54. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://www.cis...>
55. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://ria.ru/wor...>
56. Пульс планеты, 4.11.2013, серия БВ АФ, л.16.
57. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://www.rg.r...>
58. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://reporter-u...>
59. antinormanist.dream-width.org/tag/Марокко
60. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://antinorma...>
61. news.vpn.by/world/VMarokko_arabsja-vesna...v...
62. Компас, 21.07.2011, № 30, с.12-13
63. Компас, 22.12.2011, № 52, с.22-27
64. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://newsland...>
65. antinormanist.dream-width.org/tag/Марокко_arabskaya-vesna...v...

66. Компас, 31.01 2013, № 5-6
67. Компас, 3.11.2011, № 45, с.3
68. <http://www.i-g-t.org/2013/04/04/ekonomicheskie-vyzovy-arabskoj-...>
69. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://www.trus...>
70. <http://www.votpusk.ru/news.asp?msg=185015>
71. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://svr.su/con...>
72. Компас, 3.05.2012, № 19, с.54-56.
73. http://russisan.news.cn/world/2014-01/28/c_133079022htm
74. http://ria.ru/arab_tn/20140127/991552880.html
75. http://www.rosbalt.ru/main/2014/01/29/1226865utm_source=feedburner&utm_medium=feed&utm

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

2013 г.

249. **А.Р.Аганин:** "Племена, кланы и семейства Катара".
250. **Эльдар Касаев:** "Россия-Турция: современное состояние и возможный сценарий развития экономических связей".
251. **Н.П. Подгорнова:** " Проблема Западной Сахары. Миф и реальность".
252. **Алек Д. Эпштейн:** "От межблокового противостояния – к формированию «партии власти». Тенденции развития израильской общественно-политической жизни в свете итогов выборов в Кнессет XIX созыва и создания нового правительства страны".
253. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 47 (Совместно с ИВ РАН).

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN
STUDIES

2013

249. "Tribes, clans and families of Qatar" by **A.Aganin**
250. "Russia – Turkey: current situation and a possible scenario of development of economic relations" by **E.Kasaev**
251. "Problem of Western Sahara: myth and reality" by **N.Pogornova**
252. "From the two-block system to the emergence of the ruling party: (socio-political trends in Israel after the elections for the nineteenth Knesset and the formation of Benjamin Netanyahu's third government)" by **Alek D. Epstein**
253. "The Contemporary Middle East" № 47 (collection of essays)

Научное издание

Н. П. Подгорнова

**«АРАБСКАЯ ВЕСНА»
В СТРАНАХ МАГРИБА**

Подписано в печать 24.02.2014 г.
Формат 60х90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 5 уч. изд. л.
Тираж 100 экз. Тип. Зак. № 14

Типография «Вишневый пирог»
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12